

СМЕНА

Школа

11

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

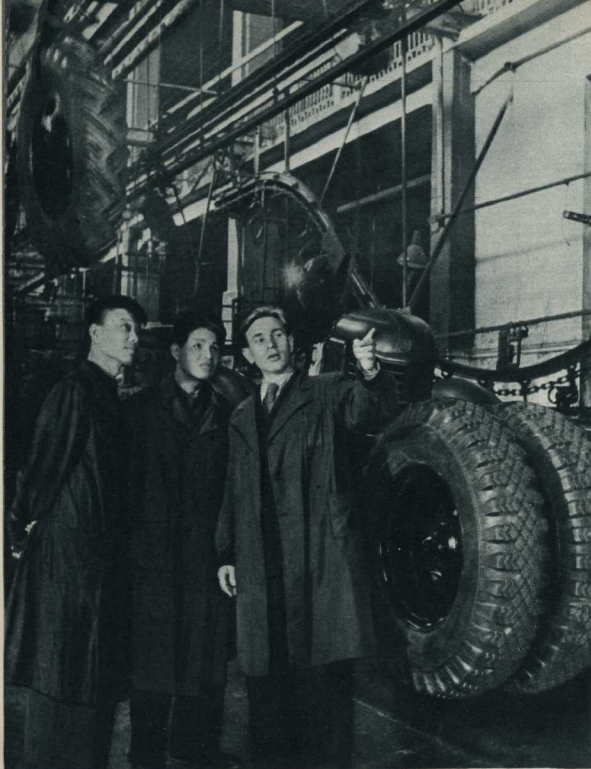
СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 11. 1955 год.

Год
издания
32-й.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БУЛГАКОВ.
К 60-летию со дня рождения.

Семен ГАРИН

ДРУЗЬЯ НАВСЕГДА!

Фото Г. Борисова и А. Моклецова.

Недавно случилось мне совершить поездку в экспрессе «Москва—Пекин». До отхода поезда оставалось четверть часа, и я вышел на платформу подышать свежим воздухом. Как всегда, на вокзале было людно, но у одного вагона собралось особенно много провожающих. Они окружили плотным кольцом юношей, улыбающихся счастливо и немного растерянно. Приближалась минута отправления, а провожающие подходили и подходили, приносили какие-то сувениры, цветы, книги, журналы.

— Наши ребята уезжают! — сказал кто-то из провожающих. — Домой уезжают, в Китай. Поверьте, будто сыновья провожатого. Какие это ребята! Целый год в одном цехе работали...

Казалось, у вагона собралась одна семья — очень большая, дружная. Познала женщина принесла что-то в узелке и наказывала юнжонше-китайцу, чтобы все было съедено обязательно сегодня: «Вкус не пропадет и корочка хрустит, иначе пирог — не пирог; запылившись паренек, пробившись сквозь толпу, вручила своему приятелю-китайцу только сейчас раздобытую у бумажника книгу, вероятно, очень редкую и нужную; девушку принесли цветы... И вот рупоры воззвистли на двух языках, что поезд через две минуты отправится; потом зазвучала традиционная песня «Москва—Пекин», исполненная по-русски и по-китайски.

...Эти трогательные проводы навсегда оставили в сердце светлую грусть воспоминаний; виденное с новой силой всколыхнуло в памя-

ти тот момент, когда комсомолец Аркадий Черевая, легкомысленно прикоснувшись к плечу своего друга Мэн Ши-куня, сказал, стараясь казаться веселым:

— В апреле, значит, прощаемся? Пролетел годик!

Друзья помолчали. Абсолютно разные внешне, они чем-то очень походили друг на друга. Чем же? Разве только молодостью?

Вдвоем им пятьдесят лет, и эти полвека они «разделили» почти поровну, подарив друг другу по одному прожитому вместе году, согретому чудесным теплом искренней юношеской дружбы. В сущности, прожит большой год и сделано немало, но Мэн Ши-куню кажется, что время отнеслось к нему несправедливо: слишком оно торопилось, не давая возможности осуществить все намеченное.

— Эх, ненасытная душа твоя! — сказал Аркадий, стараясь казаться строгим. — Другой за пять лет столько не сделает. А тебе мало?

— Мало! — отозвался Мэн Ши-кунь. — Правда, если вспомнить...

И они вспоминали. Вспоминают, как приехал Мэн Ши-кунь в Москву, не зная ни одного русского слова; хотелось поскорее научиться говорить, понимать своих новых друзей, и он старался бывать с ними всюду — в столовой, в клубе, на комсомольских собраниях, в автобусе. Он записывал слова, переспрашивал, повторял про себя трудные фразы, прежде чем отважиться произнести их вслух. Друзья старались узнать побольше китайских слов... «Ци на жи» — что означает «как дела?», — каждый раз спрашивали москвичи при встрече с чанчунцами, если даже встречались каждые пять минут. И Мэн Ши-кунь, добродушно улыбаясь, неизменно отвечал по-русски: «Хороши дела!»

Он приехал в Москву, на автозавод имени Сталина, со многими своими земляками, приехав учиться новому для Китая делу — автомобилестроению. Народный Китай, широко развивающий все отрасли хозяйства, строит в числе других предприятий и автомобильные заводы. Первый будет пущен в Чанчуне, и пока там роют котлованы, бетонируют фундаменты, возводят корпуса и монтируют оборудование, нужно научиться делать автомобили. Эта сложная задача должна быть решена главным образом молодежью. Так в свое время и советская молодежь по зову партии пошла строить и осваивать автомо-

Москвичи старались подробно ознакомить китайских друзей со всеми тонкостями автомобильного производства. И с ними же: слева — Аркадий Черевая, Мэн Ши-кунь и Хуан Ши-фу на главном конвейере автомобильной «ЗИС-150», Внизу — заместители главного конструктора автозавода Р. Г. Писноплель беседует с представителями из Китая.

бинские и тракторные заводы. Но нам, советским людям, было труднее: у нас не было друзей. Небольшие группы советских рабочих и специалистов, приехавших за опытом в капиталистические страны, были окружены там отнюдь не дружеским вниманием, и стоило это, к слову сказать, немалых денег. Правда, рабочие заводов Детройта искренне желали помочь молодой Советской стране, пытались иногда показать гостям больше, нежели было предусмотрено в учебно-экскурсионных планах — составленных с коммерческой расчетливостью, но делалось это украдкой, когда не маячили перед глазами многочисленные «боссы», которым наизаказ не показывать русским ничего лишнего... Давно ли это было! А вот уже и к нам причезают учителя!

Мэн Ши-кун с первого же дня почувствовал, что москвичи рады поделиться с ним буквально всем, чем богаты. И ему хотелось увидеть как можно больше, недаром же народная мудрость гласит: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!» Вместе со своими земляками Мэн Ши-кун проводил долгие часы, дни, недели у истоков больших и малых технологических рек и ручейков, несущих со всех концов завода тысячи и тысячи разнообразных деталей, из которых сначала собирались «кузовы», а потом и машины.

Трудное автомобильное производство, связанное бесперебойным потоком, — это большая точная наука, требующая широких, разносторонних знаний. Нужно иметь отчетливое представление обо всем производстве, чтобы уверенно и продуктивно работать на отдельных его участках.

Теплая дружба связала чанчунцев с москвичами. Мэн Ши-кун никогда не забудет задушевную беседу с Аркадием в компании за чашкой чая. На память о днях, проведенных вместе, москвичи преподнесли дорогим китайским друзьям подарки (снизу справа).

С новой силой прозвучал для Мэн Ши-куна ленинский завет: «Учиться, учиться и еще раз учиться!». Теперь эти бессмертные слова он уже мог произнести не только по-китайски, но и на языке великого народа, давшего миру Ленина.

Он готовился в институте к работе по другой специальности, но перед поездкой в Москву выяснилось, что придется стать конструктором автомобильных кузовов.

— Небось, не хотелось переключаться? — спросил однажды Аркадий Черныев.

— Это нужно! — ответил Мэн Ши-кун.

Аркадий понял, что Мэн Ши-кун, как и другие китайские рабочие и специалисты, не любит громких, «красивых» фраз, но все, что он делает, проникнуто высокими идеями и подлинным патриотизмом. Кароткая фраза — это нужно! — была полнота Аркадием так: «Это нужно Китаю, это нужно народу, — значит, это глав-

ное и в моей жизни». Вспомнились чудесные стихи, написанные когда-то Мао Цзэ-дунем:

Облака пролетают, как снег, холодно,
Гуси и югу летят — в мильях, отсеченный край.
Если мы не дойдем до Большой Стены —
Значит, мы недостаточно любим Байтун!

2

Как-то в спросил у Мэн Ши-куна: кто же особенно помог ему освоить новую профессию? Последовал ответ, развесяливший всех присутствующих:

— Все особенно помогали!

— Видимо, я не глаголю сказать, но за точность ответа ручаюсь!..

Я убедился в том, что это именно так. В светлом зале конструкторского бюро, автосалона эскизами легковых автомобилей, автобусов, грузовиков, я познакомился с ведущим конструктором по кузовам Борисом Николаевичем Орловым, старшим конструкторами Борисом Федоровичем Кузнецовым и Виталием Павловым — консоргом, а также с другими учителями и друзьями Мэн Ши-куна и его земляка Хуан Ши-фу. Беседа с ними, я вспоминал веселый ответ: «Все особенно помогали!» Молодые люди из далекой страны провели этот год среди таких сердечных и заботливых друзей, что и впрямь трудно определить, кто же из них помог «особенно».

Борис Николаевич Орлов, человек порывистый, горячо влюбленный в свою профессию, постарался, чтобы китайские специалисты «ставя поэтами кузовного дела». Слушая Бориса Николаевича, нельзя было не понять, какое важное место занимает в автомобилестроении кузов. «Взять хотя бы автобус, — с увлечением говорил он. — Из двух тысяч шестисот деталей этой машины тысяча шестисот приходится на кузов. Чувствуете масштабы! Кузов — тело автомобиля. К тому же это совершенно новая и малозученная область в теории и практике автомобилестроения — вот в чем и беда! В литературе почти ничего не найдешь...»

Борис Николаевич ночи просиживал над тетрадками, составляя планы лекций, иллюстрируя их чертежами, схемами. Он старался рассказать обо всем, понятным, учитывая недостаточное знакомство слушателей с русским языком. И как он волновался, выступая с первой лекцией перед аудиторией, состоявшей из... двух человек! После рабочего дня, когда все уходило, Борис Николаевич ускакивал рывком «первых кузовщиц Китая» — спрашивал Мэн Ши-куна, слева Хуан Ши-фу — и начинал рассказывать. Иногда ему казалось, что слушатели думают о чем-то своем, не принимают лектора, но это были напрасные опасения: трудно представить более внимательную и благодарную аудиторию!

В один из воскресных дней Фэй Ю-бень (слева), Аркадий Черныев, Виталий Павлов и Мэн Ши-кун посетили Музей Революции. Большое впечатление на них произвела ваза «Дружба народов».

— Все ясно! — спрашивал Борис Николаевич.

— Понимаем! — дружно отвечали слушатели, а затем, впрочем, что после лекции их учитель отдал им свои тетрадки и вечером, в общежитии, они дословно перевели на родной язык написанное и скопировали чертежи. Усидчивость и добросовестность Ши-куна и Ши-фу восхищали не только Орлова. За де-

На платформе Ярославского вокзала было особенно многолюдно в тот день: автозаводцы провожали китайских друзей.

недели Мэн Ши-кун прошел курс начертательной геометрии. И как прошел — детально изучил этот предмет!.. Молодые конструкторы заговорили об этом на комсомольском собрании, ставя себе в пример успехи китайских друзей.

...Беседу с Борисом Николаевичем, я видел, что его очень радует дружба москвичей с манучанцами. Он подробно рассказал о дружбе Аркадия Чернышева с Мэн Ши-куном, и я понял, что именно делает похожими эти внешне разные юноши: скромность, добросовестность и, несомненно, талантливость.

Аркадий — старший завода. Начал он свой трудовой путь учеником, затем стал электротехником. Поздрослев, увидел, что в наше время и рядовому рабочему трудно обойтись без среднего образования. Поступил в школу рабочей молодежи, успешно окончил ее. Потом Аркадий пришелся по душе профессия конструктора. Начал он с чертежника, поступил на заочное отделение Автомеханического института. Очевидно, незаурядные способности у этого юноши, если он, студент второго курса, работает сейчас старшим конструктором на таком большом заводе. Знания его очень пригодились Мэн Ши-куну. Не раз они оставались вдвоем, склонившись над тонким хитросплетением линий. Изучая особенности новой модели, Аркадий старается, чтобы его друг не только свободно читал сложные чертежи, но и критически относился к ним, предлагал свои варианты, творчески изменял сегодня то, что вчера казалось совершенным: так и только так должен работать подлинный конструктор!

Друзья упорно учились. Вместе ходили в экспериментальный цех, где можно увидеть, как постепенно из чертежа создается кузов.

Это сложный и увлекательный процесс! Прежде чем воплотится в металл, чертеж апробируется и через дерево и через пластилин, и не раз пройдет. В этом случае конструктор становится скульптором, осваивающим совершенство или несовершенство формы. Подобно скульптору, он перебирает сотни вариантов, повторяя их в чертежах, в податливом пластине, снова в чертежах, пока не будет создана такая модель, которую можно «вписать в технологический завод и, следовательно, как говорят автомобилисты, «вписать в профиль» шоссейный дорожки.

Мэн Ши-куну казалось, что пройдет вечность, прежде чем он научится создавать кузова. Вечности не понадобилось: упорство взяло свое, и уже через несколько месяцев он воплотил созданные им чертежи в пластилин, в дерево. То были кабинка и кузов сильного грузовика, похожего на «ЗИС-150», — такую машину будет выпускать первый в Китае завод. Легко представить, с какими упоением трудился юноша! Он следил за изготовлением каждой мелочи, нередко сам брался за инструмент — руки конструктора должны давать все! — принимал участие в сборке. Наконец был изготовлен впадный макет, как говорят конструкторы, и тут Мэн Ши-кун убедился, что и техник помогает народная мудрость: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Посадочный макет можно проверить «на ощупь и на глаз» — сядешь в кабинку, чувствуешь себя водителем, проверишь, удобно ли тебе управлять машиной, хороша ли обзорность.

Он усаживался в кабинку и смотрел на ображаемую дорогу... Впереди, рядом, позади стояли машины, рожденные на этом заводе: солидные лимузины, могучие грузовики-китайцевские, удобные автобусы. Мэн Ши-кун видел такие же машины с прославленной маркой «ЗИС» и у себя на родине. Скоро первый китайский автомобильный завод даст свою продукцию!

Он сидел в кабинке и мечтал... Вот бегут по дорогам вереницы китайских автобусов. Богатеет Китай! Скажочно меняется жизнь... Мог ли думать отец Ши-куна, простой рабочий, что его сын станет инженером-автомоби-

лестроителем!.. Да, сбываются вещие слова Мао Цзэ-дуна: «Мы выйдем на мировую арену, как нация, обладающая высокой культурой».

...Хорошо сидеть в кабинке будущей, созданной твоим воображением, машины и мечтать. Хорошо, что твой друг, думющий и говорящий на другом языке, читает твои мысли.

— Как будет называться ваша первая машина? — спрашивает Аркадий, усевшись рядом в экспериментальной кабинке.

— «Цзэ Фэн», — отвечает Мэн Ши-кун, — «Освобождение».

3

В студенчестве, ничего нет удивительного в том, что так стремительно пролетел год. А сколько сделано! Даже перечислить трудно. Можно коротко сказать: пройдены все семнадцать дисциплин по конструкции автомобильных кузовов; молодые специалисты не только теоретически освоили новую профессию — они готовы к самостоятельной работе.

...Вот проходит по просторному заводскому двору новенький грузовик. Кажется, дотронься — и рука снимет с кузова свежую зеленую краску.

— Унашевь? — спрашивает Аркадий. Как не узнать! На этой машине, идущей в первую обкатку, массивная радиаторная головка с выпуклыми буквами «ЗИС» — эту головку они вместе вычерчивали, лепили из пластилина.

— Унаю, конечно! — кивает Ши-кун. — Поминишь, как искали форму!

Умению выбрать форму, воплотить ее в смысле и мысли — этому искусству учась не только на лекциях. Сколько раз оставались они вдвоем, усаживались на огромный, покрытый белой краской алюминиевый чертежный лист, и почти сориснаксы абакм, рассымлявали линии, стирали резинкой неудачные черточки, наносили новые и новые штрихи. Или просто мечтали, машинально рисуя... Способный рисовальщик, Аркадий всегда думает с помощью карандаша. Слушая однокласс, как Борис Николаевич занимается с китайскими инженерами, Аркадий что-то механически рисовал на куске ватмана. Ши-кун глянул через плечо своего друга и увидел красивый грузовик необычной формы. Каждая линия была оригинальной, дышала

свемозья, силой. Что он сомневает — поду-мал Шин-кун и еще больше удивился, увидев дату, украшающую передний бугор фантастической машины: «2001-й год». Впрочем, что ж тут удивительного: хороший конструктор должен быть мечтателем, или, говоря иначе, должен уметь думать перспективно.

— Много пользы и мы извлекли, — рассказывает Борис Николаевич, — Советские кузавщики начинали на пустом месте: ни опыта, ни теории. Готовясь к занятиям с китайскими товарищами, пришлось впервые многое обобщить, заново осмыслить.

Де, большой год прожит, и, пожалуй, все-таки прав Мэн Шин-кун: чертовски быстро пролетело время! Кузаво кузавоми, но дело ведь не только в этом. Мэн Шин-кун вникал во все тонкости комсомольской работы, стараясь не пропускать ни одного собрания; вместе с Аркадием он бывал на стадионах, посещая музеи.

Аркадий совсем недавно узнал, что его друг Мэн Шин-кун — хороший певец, пронинуюе исполнять китайские народные песни. Было это на вечерне художественной самодеятельности в красном уголке экспериментального цеха. Старшая подражает конференции, паренек, к удивлению присутствующих, объявил, что выступают «китайские артисты», они же конструкторы Кузаво, и присовокупил и этой шутке, что ими Кузаво уже расшифровывается по-русски так: «жел-

Перед отъездом друзья решили еще раз сфотографироваться...

тый, солнечный, счастливая». Юноша, обладающий столь сияющим именем, играл на губной гармонике, а Мэн Шин-кун пел о высокой горе Элан, из которой пролилась дорога величия арий-освободителей; подосбид бурной реке, хлынувшей воины с горы, сметающей пути обломки прошлого, освободившая родной Китай... Хорошую песню пел Мэн Шин-кун, долго вдувая владорова, а сидевший в последнем ряду старший рабочий сказал, обращаясь к своему соседу:

— Путь у моих детей всегда будут такие друзья, как эти слабые ребята!

...Я пишу эти строки под впечатлением встреч и бесед с новыми моими знакомыми. Можно было рассказать еще и о том, как увлекался Мэн Шин-кун рассказами Чехова; как беседовал он с Аркадием о прочитанном; как они молча стояли перед картинами Левитана, очарованные историей, красной русской природой; как мечтали вслух о будущем тысяч.

Встречи километров, отделяющие Москву от Чанчуня, и долгие годы не в силах стереть в памяти все то радостное, чем богатыли друзья прожитый месяц, год, науника; Аркадий и Шин-кун еще бережно относятся к самому светлому на земле — дружбе.

ВАДИМ ОЧЕРЕТИН

Талочка

Рассказ

Сергея Пузаво у нас на заводе все звали Серегой. Иногда он возмущался этим: дескать, неважно, неосложно. Но все-таки никто к нему не обращался иначе. Сергея да Сергея. А был это человек заметный. Портрет его постоянно висел на комсомольском Доске почета, и старый ставлен Черкашин всегда поручал Сергею, своему подручному, в торжественных случаях держать речь от имени бригады.

Сергея вызвали на трибуну, энергично одергивал габаритный пиджак и, взмахнув кулачком, начал:

Товарищи! От имени и по поручению бригады Демьяна Павловича Черкашина я заверю...

И как даст новое обязательство на несколько десятков тонн металла сверх плана — так воздух в зале вьется от аплодисментов.

Хорошо умеет говорить Сергея! К тому же он был непревзойденным танцовщиком. Если бы заводом организовал конкурсы на лучшее исполнение вальса, Сергея, несомненно, завоевал бы первое место. С кем в паре? Да с любой девушкой! Разве есть хоть одна, которая отказалась бы покружиться в вальсе с Серегой? Конечно, из тех, что еще не определены как чья-нибудь невесты. Невест Сергея презирал, считая себя в двадцать лет самым убежденным холостяком. Каждый раз он выбирал новую партнершу для танца. Из-за этого бывали и обиды и слезы, но девушка, которая обязалась, Сергея обычно возвращал:

— Я же с тобой не регистрировался... Почему и должен танцевать только с тобой?

Обычно Сергея пригласил на танцплощадку в заводском парке попокое. Долго стоял в стороне, скрестив руки на груди, поглядывая изпод полей вольерной шляпы. Потом, когда оркестр делал паузу, не горюясь, шел к дивержеру — заводскому приятелю — заказывал любимый вальс, символ пиджака, запраивал кончик галстука в прорез шелковой сорочки и только тогда приглашал кого-нибудь.

В один из субботних вечеров он, как обычно, направился к оркестру.

— Это наш Сергея... Пузачик — король вальса...

Сергея обернулся, презрительно сощурил глаза: Пузачиком назвала его Дюся Кузункина, хрющица механического цеха, маленькая вуссучатая толстушка с кудрями косичками. Дюся, конечно, была влюблена в Сергею. Собственно говоря, он считал, что в него влюблены все заводские девочки пополовию, тем более те, с которыми он танцевал.

Сергея уже хотел было отомстить за Пузачиком, сказать Дюсе, что у нее правая бровь подведена криво... Это его любимый способ: быстро войти к девушке какой-нибудь промах в «обормоленности» и сказать дерзким замечанием. Но рядом с Дюсей стояла незнакомая девушка. Сергею обескуражила ее насмешливый взгляд. Она пошатривала под шубоу, словно зная, чего он стoit.

Никогда не теряя самообладания, Сергея задулился широко и приветливо и ринулся к Дюсе:

— Кого я вижу! Дюсенька! Здравствуй, дружище! Это ты? Тыкой давно не видно в нашем грешном парке?

Расчет оказался точным. Подворованннся, Дюся сказала:

— Понакомимся, Сергея, с Галочкой. Это наш душой тожар. Далеко не лучший, — смеясь, возразила девушка и, глгиву Сергею в глаза, пожула руку. — Черныш.

— Как? — переспросил Сергея, чувствуя, что терять самоуверенность.

— Черныш — Галина Черныш, — повторила она громче, потому что оркестранты в этот момент заиграли вальс.

— Разрешите пригласить лария, — Сергея свалился позную знакомую за локоть и ступил снова плылуу Дюсе — Подержи, Дюсенька, пожалуйста!

Но Галина не захотела танцевать, а Дюся вернула плылуу Сергею, злорадно засмеялась. Сергея был поражен.

— Вы что, не умеете? Так я научу вас в два счета.

— Я не сказала, что не умею, — возразила Галина. — Я сказала: не хочу.

Или это? Карина изобавляющая красавицу? Чин девчонки уговорились разыграть Сергею? Или эта Галина решила отказать подзащитного лария, чтобы потом потанцевать с ним поодальше? Нет! Вальс был, что ни что, ни другое, ни третье. А что же? Сергея обескураженно смотрел на нее и ничего не понимал.

— Поидем, Дюся. Я очень хочу шить, — сказала Галина подруге так, словно пария тут и не было.

И, покаяный, впервые за всю историю парка Сергея ушел с танцплощадки, не потанцевав.

Он усложнимо наливал девушкам лимонад, угощал мороженым, смешил их забавными историями в потюк, как бы между прочим, рассказав, что во время болезни бригадир шел плылуу сам. Закончил Сергея небрежно:

— Теперь уж, когда старик уйдет в отпуску, старейший наверняка оставит меня.

— Не я, конечно, Вы, Сергея...

Она сказала «Сергея», и Сергею как будто что-то локнуло. Он шагнул быстрее, держа обеих девушек под руку.

Над разнлнностями верхушками своих загнилнх звезд; вдоль аллеи вспыхнула гирлянда электрических огней — стволы деревьев стали бронзовыми, теплыми, словно их только что отлалли в цехе.

Повстрелалась ватага знакомых парней. Сергея, желая отстоять наедине с Галей, подмигнул приятелям: «Соддайте, мол, усюля», — и только сразу пригласил Дюсю на танцплощадку.

Вскоре Сергея и Галина сидели на скамье в самой дальней аллее. Разговорившись обо всем, что только приходило в голову, Галина узнала, что Сергея сам не захотел оканчивать десятилетку и идти в вуз. «Если все стану руководителем, то кто же работать будет?» Девушка стала рассказывать о себе, но Сергей почти не слушал ее. Он думал о том, как бы обманить и пошевелить Галю. Завел ее к приятелям, раскрылливала достоянием децарчик. Принимаясь действовать решительно, он, разговаривая, положил руку Гале на плечо.

Галина слегка отстранилась, спокойно сказала: «Ружом воли не давай...» — и продолжила разговор, заиначала обман знакомым, считая, что не такими уж плохими.

Но Сергея не унимался. Посмотрев углоком глаза, лет ли кого в аллее, неожиданно ступил девушку в объятия и аборматал, волнующ и акреневая, что говорит правду:

— Я люблю тебя!.. Галочка!.. Ты самая-самая...

Галина вырвалась, Сергея тут же пожулил сильный удар по лицу.

— Ты же умеешь вальс вест!

Она выпрыгнула — маленькая, тоненькая, на две головы ниже Сергея, вдвое уже в плечах.

В глазах ее было столько гнева, что Серега не решился вымолвить и слова.

— И пошла домой.

Галка повернулась и резко зашагала по аллее.

Серега догнал ее у ворот парка.

— Ты прости меня. Ладно? Я буду тебе самым верным другом. Честное слово, я не такой... Вот увидишь...

— Значит, ты можешь быть и таким и другим?

— Нет, нет! Только другим...

Он привнес уверенность, что такое больше не повторится. Так они дошли до обшестия. Серега робко предложил увидеться завтра, в воскресенье. Галочка сначала отказывалась, но после настоящих просьб смягчилась.

— Если ты очень хочешь, приходи завтра к девяти сюда. Я поеду к маме в Муранку, проводишь меня.

Дорогу в Муранку Серега не знал, но он обрадовался, что завтра снова увидится с Галкой.

На следующее утро ровно в половине девятого он примчался к девичьему общежитию в безукоризненно отглаженных брюках и начищенных до блеска ботинках. Галочка вышла, нагрудная сумка, привадила сумками с вещичками для матери.

Серега охотно нес вещи. Подкачивал Галочку в трамвай. Бежал за билетами на электричку.

В вагоне они разговоривали так, как будто вчера ничего особенного не произошло. Она-ааа, что Галочка знает его давно, помнит все, что о Сереге писали в заводской многотиражке как о передовике маргеновского шеха.

Через час они уже были на берегу Исетского озера. Гладкое, как хорошо отполированный приделак аквамарины, оно отражало в бесчисленных заводях каждый изгиб берега, каждую малую выемку и выпуклость долины, пересекавшей впадину.

Огромная электростанция издали казалась стоящим на яхоре океанским кораблем.

— И парешь с тобой, что ли? — спросил Галочку старик-сторож на маленькой пристани, где они брали лодку, и, окинув одобрителем взглядом мускулистую фигуру Сереги, заметил: — Такой мигот домчит до Муранки.

Парень промолчал: он не умел грести.

Галочка не подавала виду, что догадывалась об этом, и сама села на весла. Серега оставалось только любоваться ею: сильная, гибкая, она гребла легко, без напряжения, будто играла.

— Куда же мы? — забеспокоился Сергей, увидев, что лодка направляется не в сторону электростанции, а на середину озера.

— А вот там наша Муранка, — кинула Галка на противоположный берег, терпящийся в туманной дымке.

Она по-мальчишески попевала на ладони и напевала в весла.

Сколько ни гляделись Сергей, ничего не было различить впереди, кроме лесистых увалов на дальнем берегу. Ему было не по себе: Грелла Галочка, а он сидел сложа руки.

— Дай ей... не выдержал наконец Серега. — Пожалуйдята.

Поменялся местами. Галочка взяла рулевое весло. Как это он не догадался попробовать хоть управлять лодкой, пока сидел на корме? Но наконец Ухватился за весла и замаскал во весь дух. Быстро почувствовал, как засадило ладони. Вспотел, словно вел самую трудную плавку стали. Лодка очень медленно провизгивала вперед. Галочка с укоризной посмотрела на него:

— Ты, Сережа, не торопишься...

— Вдурт налетел ветер: погоды на Урале иногда меняется десять раз на день. Поднялся валок, лодку стало кидать на стороны и в сторону. Ветер крепчал с каждой минутой.

— Дай весла, а то захлестнет! — скомацандовала Галочка.

Серега, судорожно цепляясь за борта, снова перебрался на корму.

— Ты и плавать не умеешь? — спросила с сожалением Галочка.

Этим вопросом она окончательно доконала его. Серега с удовольствием утонул бы в эту минуту.

Никонен приехал. Галочка у самого берега выпрыгнула в воду, с размаху втащила лодку на песок и засмеялась: Серега от резкого толчка чуть не вылетел из лодки.

Матери дома не оказалось. Соседи сказали, что она отправилась по ягоди. Галка решила раскатыть ее.

— Ты отдохни, — сказала она, надевая резиновые сапожки. — Я иду...

— Пойдем вместе, — с иррациональной решимостью заявила Серега.

Галочка достала ему оптические очки: они сложила на случай, если придется пробираться болотом.

— Возьмем ружье? Аось, какая-нибудь дичина попадется, — предложила девушка.

И по тому, как он несколько аязд дуствалко, Галочка поняла, что Серега ни разу в жизни не стрелял. Наступило немалое молчание, и, чтобы нарушить его, Галочка спросила:

— Ты готов, Сережак? Пойдем!

Когда подошли к лесу, который начинался сразу за домами, Галочка стала напевать какой-то вальс. Потом обогнула и мечтательно прошептала:

— А я, знаешь, Сережа, очень люблю танцевать вальс.

— Не в танцах счастье, — процедила Сергей, и, почувствовав, что подул сильный ветер, добавил: — Не в них счастье, Галочка...

— Я не разрешаю тебе называть меня Галочкой, — резко оборвала она. — Так меня зовут только самые хорошие друзья.

Он ускорила шаг, чтобы не отстать от нее.

— Но ведь ты называешь меня Сережиком? — Да? — превратно удивилась Галочка и засмеялась.

Смех ее был звонким, чуть-чуть с оттенком торжества. Она хозяйкой входила в лес. Поднимался ветер, и лес шумел, переливался шедрыми красками лета, разнобразный на каждом шагу, как сама жизнь.

М. СУНДЮКЛЕ

МОЛОДОЙ ГЕОЛОГ

1

С мешком дорожным за спиной Шлагет он вперёд. В мечтах о девушке одной, Той, что он видел год. А перед ним вдали лежит Гряда уральских гор, Шумит деревья и дрожит Вода лесных озер. Звенит над головой оса, Шипит змея у ног. Идет сквозь горы и леса Упорный паренек.

2

В палатке белой он живет, И песнию слыва труду. Он ищет нефть и нефть найдет, И встанет горюд труд. Приходит ночь и тишина... Скрывает горы мрак. И весь земля вокруг слышна, Поют ручьи в горах. До поздней ночи он идет Дорогой крутой, И он, конечно, нефть найдет, Геолог молодой. И востит это песни звук По темным кручам гор. И видел далеко вокруг Геолога косяк.

3

Немало тайн земля хранит: Железо, нефть и медь! Чем бурей завтра знаменит Бор, где бредет маламед? И, чтобы разгадать верней Секрет земных слоев, Он изучил язык камней, Он познал несень ручьев. Он за местом шибя вперед, Он нефть, нефть искал. «Кто ищет, тот всегда найдет!» — Он это с детства знал. Подъем он за подъемом брал, Он знал: родимая земля Принадлежит ему!

Перевела с башкирского Ирина СНЕГОВА.

Малик ХАРИС

У ПАМЯТНИКА ШОТА РУСТАВЕЛИ

Перед ним Аджское море, И цветы горят, как зори, И слышася в едином хоре: Руставели, Руставели!

Над скалами — туч отары, На ветру звенит чинара: Слышит юный, слышит старей: Руставели, Руставели!

Я дорог прошея немаю, Я к тебе пришла с Урала; Песня в сердце зазвучала: Руставели, Руставели!

Край твой твой не забудет, Не устанут слышать люди. Вечно молод стих твой будет, Руставели, Руставели!

Перевела с башкирского Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

Рисунки П. Пинигевича.

ПЕСНЯ НАД ДУНАЕМ

Дунай — важная водная артерия. Удобным и дешевым путем связывает он многие страны Европы: СССР, Румынию, Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Австрию, Югославию.

Днем и ночью бороздят его воды суда Советского Дунайского государственного пароходства, доставляя в эти страны различные торговые грузы. База советского торгового флота на Дунае — порт Измаил.

...Вот идет под советским флагом небольшой пароход. Он поворачивает к причалам порта Измаил, и вскоре здесь вооруженным глазом можно разобрать на

борта его название — «Петрозаводск».

Пароход возвращается из дальнего плавания. Он прошел вверх по Дунаю и обратно без малого четыре тысячи километров. Бросил якорь в Русс, Брауле, Комарю, Буляште, Вене, Братиславе и многих других дунайских портах.

Команда этого парохода на первый взгляд самая обычная: капитан, его помощник, боцман, машинисты, коцегары, радист, матросы. Во время плавания каждый из них занят своим делом. Но вот на стоянке команда собирается в полном составе, и руководитель ею

уже не капитан, а... дирижер. Что это, обыкновенная художественная самодеятельность? Нет. Все на «Петрозаводске», кроме своей основной специальности, имеют еще и вторую: кто играет на музыкальном инструменте, кто поет либо танцует, а все вместе составляют ансамбль песни и пляски Советского Дунайского пароходства.

Ансамбль возник по инициативе политуправления пароходства в 1949 году. В него вошли лучшие комсомольцы, участники художественной самодеятельности торговых судов: певцы, танцоры, музыканты. На первых порах это был совсем небольшой коллектив, пловулей флоты которому служил катер «Дунаец». Со временем состав ансамбля пополнялся новыми одаренными исполнителями. Небольшой катер стал тесен ему. Ансамблю выделили

специально пароход «Петрозаводск».

Ансамбль выступает не только перед командами курсирующих по Дунаю советских судов, но и перед рабочими в придунайских городах стран народной демократии. В прошлом году он дал сто сорок концертов, более пятидесяти выступлений состоялось в нынешнем году.

Коллектив ансамбля систематически и много работает, пополняя свой репертуар. В программах его концертов — хоры, музыкальные, танцевальные номера, сольные выступления, песенские и инструментальные дуэты, трио, квартеты, групповые танцы и пляски. Заслуженным успехом пользуется у зрителей румынский народный танец «Колушары» — танец ямщиков — в исполнении матроса Анатолия Коваленко, коцегаров Ивана Поляничко, Василия Оздюнюк, Павла Димитренко и других. Мастерски играет на баяне радист Сергей Смородин. С большим искусством исполняют мат-

Команда «Петрозаводска», составляющая пловучий ансамбль, умело несет покладные вахты, четко выполняет все требования судовой жизни. На снимках: сверху — матросы Валентин Егоров и Анатолий Коваленко дрят палубу; слева — машинист Борис Шенюдин на вахте.

вал пароход, восторженно отзываются о концертах ансамбля, ждут с нетерпением его выступления.

От порта к порту идет по Дунаю советский пароход «Петрозаводск». Быстрокорый птицей летит над широкой рекой песня:

...Решет море корабли,
Плывешь волна,
Но на вахте немоскольцы,
Наши хлопцы-черноморцы,
Молодость сильна!

Р. ДЫМОВ

В свободные от вахты часы коллектив «Петрозаводска» занят репетициями, разучиванием новых номеров. На снимках: сверху — художественный руководитель ансамбля Петр Николаевич Рубинин разучивает с хористами и музыкантами новую песню; справа — три баяниста: радист Сергей Смородин, матросы Анатолий Михайленко и Михаил Сидорюшин.

Фото А. Моллецова.

рос Александр Тарасенко и машинист Борис Шенюдин вокально-танцевальный отрядков от оперетты Дунаевского «Вольный ветер». Много других интересных номеров в репертуаре. Недалом в каждом порту, где побь-

ЛИЛИНЫ ПРИМЕТЫ

Все началось с того, что молодому инженеру Алексею Кострицыну дали квартиру в новом доме. Целью дел Алексей вместе с женой Лилией расставлял мебель и украшал квартиру разными безделушками, которые кажутся такими важными и необходимыми в первый месяц семейного счастья. И вот, когда все уже было устроено и молодожены впервые за день уселись на плюшевый диван, Лилия, вдруг что-то вспоминая, быстро вскочила. Порывшись в хозяйственной сумке, она достала небольшой сверток.

Алексей, привыкший ко всяким приятным сюрпризам, вроде галстука необыкновенной расцветки или корзиночки дорного кофея, был на этот раз немало озадачен лилиными поведением. Молодая хозяйка торжественно подошла к батарее центрального отопления и, что-то шепча, выискала под нее горсть мусора.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Алексей.
— Хочу поддуриться с домом, — невозмутимо ответила Лилия. — Правда, мусор нужно сыпать у печки, но ведь здесь ее нет.

— Ты это серьезно?
— Да ведь так принято, — пожалла плечами жена. — Если ты хочешь знать, Лесик, то в этом есть даже какая-то древняя мудрость — заранее ограждать себя от всяких неприятностей в новом доме.

Алексей засмеялся и махнул рукой. Настроение у него было чудесное, спорить с женой не было ни малейшего желания. Пошмелявшись над чудачествами супруги, инженерсел за составле-

ние докладной записки главному механику завода о состоянии цехового оборудования.

Утомленная дневными заботами, Лилия уснула, свернувшись калачиком на диване. Всякий раз, когда взгляд Алексея останавливался на ее смуглом, покрытом ровным загаром лице, к сердцу его подкатывалась теплая волна нежности.

«Прошла неделя. Алексей уже успел забыть о том, что случилось в день новоселья. Он не верил ни в какие приметы и думал, что жена его, студента третьего курса учительского института, насмалась тогда под батарее мусорного рода шутки. Но однажды вечером он убедился, что Лилия не шутила.

Придя домой, когда Лилия хлопотала возле электрической плиты, молодой муж решил помочь супруге. Намочив под краном ведро, он принялся подметать комнату, но сейчас же услышал предостерегающий возглас жены: — Лесик! Вечером подметать пол не нужно. Плохая примета. Деньг в доме не будет...»

Алексей не вытерпел: — Как тебе не стыдно, Лилия! Образованный человек, собираешься учить детей, а сама веришь в приметы. Мне за тебя краснеть приходится...»

Бросив считать карточек, жена расплакалась.

— Ты меня совсем разлюбил, Лесик, — дрожащим голосом сказала она. — Неужели ты... неужели тебе не дорог мой покой! Если ты не веришь в приметы, ну и не верь. Но ради меня ты можешь оставить венки!

Смущенный таким оборотом разговора, Алексей бросил венки

в угол. «В самом деле, — подумал он, — стоит ли из-за пустяков заводить ссоры! Старомодная мадам Лилия с детства научила дочь всяким приметам. Пожмет Лилия в другой обстановке, сама поймет, что это вздор». И обняв жену, Алексей примирительно сказал:

— Ну, ладно, ладно... не сердись! Любовь меряют другой мерой. Я никогда больше не буду придираться по мелочам. Скоро ты сама от своих примет откажешься.

Возникшая была ссора утихла. Они помирились.

Алексей старался не задевать «чуждые» жены, что ему за короткое время пришлось познать: комиться еще с массой всевозможных — больших и малых — примет. Оказалось, что почти во всем жизни нмает для Лилии особый смысл и значение. Встретит по-па, женщину с коромыслом или разбить зеркало — это плохие приметы. Ушлая ленива, ленива, нож или в стакане оказалась чинкина — это значит придут гости.

Алексей узнал от Лили, что ради спасения своей планеты нельзя оставлять книгу открытой или в жизни нмает для себя. Он узнал также, что счастья достичь совсем не трудно, нужно только никогда не распылать соли, а главное, притачить в дом покой.

Алексей понимал, что дальше так продолжаться не может, что он должен, обязан повлиять на жену. Но едва он заводил разговор о том, что приметы — это плохо, и нужно отказаться от суеверных страхов, как Лилия надувала губы, сердилась, а чаще всего говорила:

— Лесик, Лесик! Ты меня совсем не любишь! Ведь ты же дел слово мне, и сам его нарушаешь уже в который раз!

— Приметы, Лилия, не пустяки, — пробовал доказать ей Алексей, — они простительны для людей с остальным взглядом на жизнь. Ну, как ты, педагог, будешь воспитывать в школе детей, если при виде кошки, которая перебегает дорогу, ты возвращаешься с полутьки!

Такие разговоры обычно оканчивались слезами и упреками. Едва только Лилия начинала плакать, Алексей сразу же отступал, старелся лаской и уговорками прервать слезы причитывания.

Прошло около полугода. В семье появилась новая и очень важная тема для разговора: Лилия и Алексей горячо обсуждали, кто будет у них сын или дочь. Готовясь стать матерью, Лилия как-то повзрослела и стала смотреть на Алексея снисходительно, с чувством превосходства.

Зимним вечером супруги сидели на диване, разговаривая о пененках и респанюшках.

— Да, Лесик! Я ведь получила письмо от мамы, — сказала Лилия.

Она достала из сумочки голубой конверт и протянула его мужу. Мать Лилия давно уже уехала в Москву к сыну и не очень-то

баловала их своим вниманием. Алексей, пробегая корявые, неразборчивые строчки письма, вдруг намурил брови.

— Ты что, Лесик? — настоятельно спросила жена.

Вместо ответа Алексей прочел вслуз фразу из писем:

«Ирада за вас, дети. Обязательно проведу на крестинки».

Он скончал письмо и решительно заявил:

— Ребенка я крестить не позволю!

— Что ты, Алеша, — затормозила жена, — мало ли, что мама напишет! Я ведь хорошо понимаю, как это нелепо для нас, для тебя...»

Вечер был уже испорчен. Одоблеваясь оmissionsми, Алексей принялся разбирать книги, в беспорядке расставленные на этажерке. Ему просто нужно было чем-то заняться, чтобы немного расслаблса. О том, что больше не было сказано ни слова.

«Сына инженер привез на директорской «Победы». По случаю прибавления семейства в доме Кострицыных устроили вечер. Друзья поздравляли молодых родителей с новорожденным, от всей души желали, чтобы вырос на настоящего человека и обязательно стал бы потом инженером. Больше всех заботила вокруг внука приехавшая неделю назад мать Лили. Всад ведь ее горю и том, что только она одна знает и понимает, как нужно обращаться с молодым Кострицыным. О крестинах она не обмолвилась ни словом.

Месяц спустя после рождения сына инженер выступал с лекцией о «революционной сущности религиозных верований». Кострицыным большой интерес у заводской молодежи. Слушатели не покинули вна вопросы. И вот, когда, казалось, все вопросы были исчерпаны, инженер неожиданно поднял пражув голос, в котором чувствовалась плохо скрытая ирония:

— Ответьте, товарищ Кострицын, почему, говоря о вроде религиозных обрядов, сами вы, комсомолец и человек с высшим образованием, согласились крестить своего ребенка!

Алексей оторопел. Вначале он подумал, что это простая каверза, шутка.

— Что же вы молчите! — не унимался спрашивавший.

Шум, прошедший по залу, вернул инженера к действительности. Он вдруг ясно понял, что крестинки все-таки были и устроены они тайком от него. О них знают все, и не знает только он, отец!

Кострицын стоял на трибуне растерянный, покраснев, совершенно не зная, что говорить. Наконец он произнес:

— Я... я ничего не знаю об этом...»

Шум в зале немного стих. Алексей чувствовал, что ему пора встать. Но в молчаливом потоке устремленных на него глаз он читал не только любопытство, но и укоризну. Чувство стыда все больше поднимало в нем. В голубой ленива обдумывая несчетные мысли. Почему-то отчетливо вспомнилось сегодняшнее утро. Когда он встал с постели, Лилия, лукаво улыбувшись, вдруг сказала:

— Лесик! Ты сегодня с какой ноги встал — удачный день у тебя будет, верная примета!

Рис. В. Резанова.

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Юрий ТРИФОНОВ

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ЗНАЧОК

В ночной дали мерцает Вега,
И дует стужа с Колямы,
А ну-ка, вспомните, коллеги,
О том, как в жизнь вступали мы.

Вот в зале актовом, огромном
Сам ректор под овацией гром
С традиционным синим ромбом
Вручает каждому диплом.

Потом веселье до рассвета,
Гремит оркестр. А мы, сгрудясь,
Со смехом звонким у буфета
Свои значки бросаем в квас.

Расчет был прост: ведь позолота
Темнее станет на значках.
Как нам, не вышедшим работы,
Хотелось быть не в новичках!

Давали слово мы друг другу
В Москве встречаться каждый год.
Кто знала, что на Полярном кругом
Счастливым случай нас сведет?

Уже суровых, закаленных,
Не новичков наверняка.
Но тот же ромб традиционный
На отвороте пиджака.

Все тот же?.. Нет, заметны риски,
И с краев вмятины видны,
Как будто в них застыли брызги
Морской, просоленной волны...

Да нам ли этим огорчаться!
Я вот подумаю к другому,
О том, что мы могли бы собраться
Поаней за дружеским столом.

Что кое-кто не без охоты
Махнул на теплые места.
Нет, у таких не с позолоты!
С души не стерлась чернота!

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

Не слово «горько!» крикну я,
Когда на свадьбе встанем в ряд.
Хмель молодых — оно, друзья,
Что шутка добрая для вас.

Вы честно жили на веку,
И, зная вас немало лет,
Сегодня в дружеском кругу
Открыт я один секрет.

Когда бы годы вместе взять
Разлаук, походов и пути,—
Не то, что полных двадцать пять,—
Не насчитять и десяти.

Но если бы учесть сполна
Всю тяжесть прожитых разлаук,
Как в ночи долги, без сна,
Насторожен бывает слух.

Как воздух в доме раскален,
Как время медленно течет,
А утром встречу почтальною
На новый срок перенесет.

Когда бы это все учесть,—
Тревоги женщины седой,
То, верно, мы встречаем здесь
День вашей свадьбы золотой.

г. Владивосток.

Николай ЕФРЕМИН

ПРОВОЖАНИЕ

Затихает музыка в саду,
А девочка будто всем чужая:
Все подруги парами идут,
Лишь ее никто не провожает.

Грустно оглянувшись у ворот,
Растеряв подружек, одиноко,
Медленно домой она идет
Посреди улицы широкой.

И девочке даже недомек,
Что в сторонке с веточкою клепа
Вледе идет упрямый паренек,
Тихий, ненавязчивый, влюбленный.

Может быть, назавтра там, в саду,
А и слов ей ласковых не скажет
И себе на долгую беду,
Может, просидит в сторонке даже.

Но, как счастье первое свое,
Всюду он ее косички видит,
И осмелев кто-нибудь ее
Хоть словцом задирчивым обидет!

Леонид СОЛОВЬЕВ

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

На видном пригорке, надменных,
Калачий, —
Стоит он — татарник — в малиновой
кепке;
Стоит бесполезный, хотя и живучий,
Хотя и в морозы и в засухи крепкий.

Калачку его не сорвешь дай букета,
Не скоосишь на сено, как прочие травы...
И горько при мысли, что красное лето
На солнце, на воздух дает ему право!

Лябвөө пришаа ильямским дием,
Пришла без ведома, без спросу,
Случилось так, что мы вдвоем
Спешим к дальнему покою.

Кричала птице «петь» да «петь»,
Кузнечик пел напропалую...
И захотелось мне прогнать
Петянку-стежку луговую.

И так прогнать, что нам потом,
С белой ли, с горем ли встречаешь,
Иди вот так вся жизнь вдвоем,
Пячем плеча касаясь.

г. Воронеж.

Леонид ЧИКИН

МЫ НЕ ОТСТУПИМ ПЕРЕД НЕЮ...

Идет вторая пятнадцатка мая.
Мы ждали май — цветущий месяц года.
А он, поля синими заметая,
Пришел и разгрозил непогодой.

Потом дождями зелою промывало,
Потом утрами ветры стали заныть,
И застыли руки на штурвалах,
И жег мороз оборотные лица.

Куда ни глянь — от края и до края
Просторная, безмятная округа,—
Безжизненная, сонная, немая
Лежала степь, не тронутая плугом.

Сурово, хмуро нас она встречала.
Под небом знойным травяки звенела,
Она сопротивлялась нам сначала,
И добровольно сдалась не хотела.

А мы не отступили перед нею!
Мы знали: нестыри пути к победе.
Но если есть работа потруднее —
Скажете, где — и мы туда приедем.

ЧЕМ ПАХНЕТ ВОЗДУХ...

Широк, просторен и спокоен
Твой, Сибирь, степей размах.
Здесь воздух, кажется, настоит
На наших травках и цветках.
Здесь всех цветов и всех соцветий —
Считай до вечера — не счесть;
И красок нет таких на свете,
Какие в этом крае есть.
Вот свесловоровой тушью
Расцветен дальний косогор,
И, как белыми, подкрашен
Ромашкой солнечный простор.
И каждый лепесток ароматом
Ильбальский воздух опьянил...

А бригадир пришел с бригадой
И все по-своему решил.

Сказал:

— Косишь!

И в самом деле —
Легла трава к его ногам,
Чтобы потом, через неделю,
Здесь встать зародым и стогам.
И вот, когда подступит зима,
Пройдетесь в поле у стогов —
Вам вновь покажется, что воздух
Пропитан запахом цветов.
Но бригадир поспорит с вами,
Что воздух утратил кругом
Влагоухает не цветами,
А пахнет теплым молоком.

с. Выстужка, Новосибирской области.

Анатолий КОРШУНОВ

МОЛОДЫЕ КУЗНЕЦЫ

Покровка брызжет золотом,
Обдав жарой лицо
И под тяжелым молотом
Связывается в кольцо.

Лучи бросает яркие
Бушующая плеть,
Как будто хочет фартуки
На кузнецах поджечь.

У кузнецов в глазах огонь,
Их вдохновляет труд,
И кажется, не сталь они,
Характер свой куют.

г. Ленинград.

С ПОМИЛЬНЫМ ПРОБЕГ

Рассказ

Собравшись в низкой, крытой тростником глинобитной хижине, которая служила штабом местного крестьянского союза, мы лопали себе голову над тем, как сообщить в соседние деревни о важном и срочном собрании, которое должно было состояться на следующий день. Дорог в нашем крае не было; только тропы, зарытые ухабами и рывтинами, соединяли деревни между собой, и это значительно осложнило наше положение. Бороздатые крестьяне в больших пестрых тюрбанах, в рубашках из домашнего полотна взволнованно перебегали друг друга, но ничего предложить не могли.

Вдруг чей-то робкий голос привлек наше внимание:

— Поручите, пожалуйста, мне Я сообщу в деревни.

Это сказал хорошо сложенный молодой парень лет двадцати, в поношенной рубашке и в латаных, морковного цвета штанах.

В какую деревню? — спросил я.

— Во все, — тихо ответил он.

— Во все! А ты знаешь, что собрание назначено на завтра?

— Знаю. Я обегу все деревни за несколько часов. Их ведь только десять или двенадцать! Всего расстояние-то миль шестьдесят!

Неужели он говорит правду? Я недоверчиво посмотрел на парня. Его толстые губы напоминали бороды свехвезлажного поля. Темные уши и небольшая борода только-только начали пробиваться. Цвет лица — полноватый, но ржавое железо. У него была длинная шея, поджарый, как у леопарда, живот и большие, круглые, словно бронзовые щипцы, колени. Выразные круглые, нависшие глаз казались тупыми. Как, черт возьми, можно пробежать шестьдесят миль за несколько часов! Поминдому, он не понимал, что говорил.

В это время пожилой крестьянин с густой бородой и косматыми бровями, который дважды побывал в тюрьме за участие в движении арендаторов, стукнул меня рукой по плечу и сказал:

— Это Бута Сингх из деревни Бхагу. Разве ты его не знаешь? Он может пробежать сто миль без передышки.

— Сто миль?

— Да, сто миль. Когда он бежит, ветер взметается у него из-под ног.

— Сто миль! — Я был озадачен.

— Неужели ты никогда не слышал про Бута? — удивился крестьянин.

— Никогда!

— Бута — сын Рако. Мы с ним из одной деревни. Рако родился его и поле не умеет жевать. Полюшка новорожденного в корзину, она продолжала работать. Вся семья жила тут же, на поле, под старым навесом из соломы. Члены семьи Бута, держа в руках отщипавших кроликов и других животных. Однажды он захворал воспалением легких и умер. После

смерти мужа Рако продолжала жить в поле со своим маленьким сыном. Проходившие мимо их поля шарили подарками Бута щенками. Мальчики и взрослые вместе с этим щенком. Гоняясь целыми днями вместе с собакой за верблюдами, лошадьми, шакалами и белками, Бута стал таким ловким, что мог догнать кролика, схватить его, отпустить и снова поймать. Кролик в состоянии пробежать четыре мили, шакал — около восьми, лошадь — самое большее сорок. Даже самый лучший верблюд не пробегает и пятидесяти. А вот Бута может пробежать все сто.

— А сколько у него уйдет на это времени? — поинтересовался я.

— Часов двенадцать. Конечно, лошадь или верблюд бегает быстрее Бута, но и им за раз не преодолеть такого расстояния... Если ты не веришь моим словам, можешь проверить, — прибавил крестьянин. — Дай ему Бутами, и он еще сегодня доставит их.

Затем он обернулся к Бута и, протянув ему повести, сказал:

— Бута, сынок, возьми эти Бутами и разнеси по деревням. Иди, мой маль!

На следующий день, точно в назначенное время, все секретари деревенских отделений союза собрались на собрание. Я спросил каждого из них, кто принес им повести. И все в один голос заявляли: Бута.

После собрания я увидел Бута Сингха. Беседовали Кумар Саид, адвокат, который на многих судебных процессах безвозмездно защищал арендаторов; Дугг Кшиор, бывший учитель, слышавший в молодости ателетов; Амджеро Сингх, судья преклонных лет, и несколько других именитых горожан. Все они удивлялись тому, что о таком чуде, как Бута, ничего не известно за пределами его деревни.

— Во всем мире дистанция соревнований по бегу редко когда превышает двадцать пять миль, а Бута может пробежать сто! — вздохнул старый учитель.

— Будь у него возможность поехать в Лондон и принять там участие в беге по пересеченной местности, его родная деревня Бхагу засияла бы на карте мира, — заявил судья.

— Наша страна полна чудес, — сокрушался адвокат. — У нас есть замечательные ныряльщики, борцы и охотники, но они растрачивают свои способности впустую и умирают в бедности. Если бы Бута мог пробежать сто миль, никакая сила не отнимет у него всемирной славы! — заключил судья.

В разговоре участвовал полойский сержант туземных войск:

— Магараджа Патталы очень любит игру в крикет и вообще всякий спорт. Если бы он угадал дистанцию пробега Бута до ушей его светлости, он, конечно, пошлет этого парня на международные соревнования.

— А кто-нибудь проверил, действительно ли может Бута пробежать сто миль? — спросил вдруг хитрый одоголтый писарь, который за небольшое вознаграждение составлял жалобы своим землякам.

Лысий лавочник с сомнением взглянул на Бута и заметил:

— Понятие расстояния у крестьян весьма растяжимое. Иной пробегает миль тридцать, а скажет, что пробежал сто. Почему бы тогда не устроить пробный бег в нашем городе? — предложил учитель. — Может быть, нам удастся собрать немного денег, чтобы помочь Бута. Если он пробегает вокруг нашего общинного луга пятьдесят раз, то это и составит сто миль. Лишь после такой проверки можно будет думать о его будущем.

Это предложение было всеми одобрено.

Я спросил Бута Сингха, согласен ли он бежать вокруг общинного луга.

— Как вы скажете, — ответил он покорно.

Мару, глашатай, барабанным боем привлек внимание жителей, объявив по всему городу:

— Слушайте, люди! В воскресенье, в семь часов утра, Бута Сингх, знаменитый бегун, совершит стомильный пробег. Все желающие приглашаются на общинный луг посмотреть это удивительное зрелище! Бутам! Бутам!

В воскресенье на лугу собралось много народа. Бута Сингх был одет в темные короткие штаны из домашнего полотна. Его длинные черные волосы, собранные на макушке в большой узел, были перевязаны рыжим платком.

В семь часов утра вышел учитель дал свисток, и бег начался.

Все больше и больше собира-

лось людей на лугу. Шурша юбками, приехавшие женщины и уехали в стороне. Пришедшие друг другу разные сплетни, болтали всякой всячине, они смотрели, как бежит Бута.

В полдень Бута остановился, вынул кружку молока, которую принес ему глашатай Мару, автор воспоминаний, причесал волосы, закрыл потуже узел на голове, завязав его платком, и продолжал бег. Пятдесят кругов он пробежал к половине седьмого — на полчаса раньше намеченного времени. Солнце садилось. В его лучах пряди волос Бута, выбившиеся из-под рыжего платка, казались яркими перьями. Грудь бегуна тяжело вздымалась. От бронзового тела поднималась испарина. Глаза радостно поблескивали.

Собравшиеся приветствовали и поздравляли бегуна, а двое крестьян выразили свои восхищенные тем, что подымаи Бута на плечи и так несли его до самого базара.

Известие о том, что Бута пробежал сто миль, быстро облетело весь город.

Мы передали сообщение об этом собрании в местную газету и начали строить планы относительно поездки Бута Сингха в Патналу для свидания с его светостью магараджем.

На третий день из деревни пришла Рако — мать Бута. Ей было лет шестьдесят — коренная, плотная крестьянка с толстыми губами и маленькими тусклыми глазами. Она пришла за сыном. Мы пытались убедить Раку, что ее сына онидает большое будущее, но она и слушать нас не желала.

— Я не хочу, чтобы Бута жил в городе, — настаивала она на своем. — Я уже стара и не в силах одна присматривать за хозяй-

Рисунки А. Ливанова.

ством. Кто будет охранять Посева от шакалов и крокодилов? Собака наша подохла. У меня теперь никого нет, кроме сына. Я не могу жить без него. Я должна видеть его с собой в деревню.

— Твой сын — мировой чемпион, а ты держишь его у своей юбки! — уговаривали мы Ракоу. — Ему надо жить в городе, а не в глухой деревне. Мир должен узнать про него. Ты мешаешь его карьере. Думай не только о себе. Не будь глупой! Оставь его здесь!

Женщина недоверчиво слушала нас и продолжала твердить одно и то же:

— Я не могу жить без сына. Я пришла за ним.

Но тут замешался судья. Он сказал, что великое будущее ждет Буту, что его хочет видеть сам магараджа. Только после этого старуха наконец уступила.

Буту Сингх тоже сказал свое слово: — Не беспокойся, мать. Скоро я поеду за семь морей, пробегу в Лондоне сто миль, и тогда весь свет узнает про меня... Я вернусь в деревню богатым. Мне нужно только добиться того, чтобы поехать в Лондон.

На следующий день старуха отправилась в деревню одна. Мы собрали немного денег, чтобы Буту мог добраться до столицы княжества. На первом поезде его приоткрыл судья, живущий на окраине города. По вечерам у судьи собирались его приятели и играли в бридж, а Буту сидел в одиночестве на веранде, углубившись в свои мысли.

Мы отправили два письма: одно — чиновнику, ведающему в Патнале спортом, а другое — его светлости, и ждали ответа. Каждое утро Буту бегал на почту за корреспонденцией судьи, а иногда после обеда отправлялся на базар покупать ему листья бет-

ель, сигареты, лед или лимоны. Число гостей судьи постепенно сокращалось. Любителей поглазеть на Буту, словно на динозавриного зверя в зоопарке, становилось все меньше. Привлекательность новизны исчезла, и его оставили в покое. Так прошло три недели, которые показались Буту годами.

Однажды он обратился ко мне: — Господи, я знаю одного человека, который был при дворе магараджи Патналы. Он хорошо знаком с ним. Теперь он живет в Фаридкоте. Если я навещу его, он наверняка согласится представить меня его светлости. И уж тогда я добьюсь, чего хочу.

И Буту отправился в Фаридкот, чтобы повидать там своего знакомого.

Скоре после этого до меня дошли слухи, что Буту пошел в Патналу. Длинная цепочка рекомендаций в конечном счете привела его к адъютанту магараджи, который обещал устроить аудиенцию.

В дела Буту вмешались большие события: произошло разделение страны. Я был занят своей работой в Лехоре и не смог поехать в деревню. Затем я переехал в Дели и потерял всякую связь с Буту Сингхом.

Но вот в середине 1948 года, когда началось объединение провинции, я как-то оказался в Патнале и был свидетелем большой манифестации. Магараджа Патналы ехал в открытом автомобиле. Люди в пестрых торбанах выстроились вдоль тротуаров. В толпе мне случайно довелось встретить Буту Сингха.

Я заинтересовался его делами. — Магараджа теперь очень занят, — сказал он. — Когда его светлость освободится, то обязательно примет меня.

Вскоре я вернулся в Дели и не видел Буту в течение двух лет. Но кое-какие сведения о нем дошли до меня: Буту все еще дал аудиенцию у магараджи, но всякий раз у его светлости находились неотложные дела. Адъютант предложил Буту найти себе какую-нибудь работу в Патнале, чтобы не бегать так часто из деревни в город и обратно, расходуя на это время и деньги. Его предложение Буту принял, так как первая же возможность он будет принят магараджей и отправлен на олимпийские игры. Буту устроился стражем княжеской кухни. Он считал, что даром получает жалованье, так как ему почти ничего не приходится делать. Цельными днями он сидел на табуретке, зевая да потягиваясь на солнышке.

Однажды в Патналу пришла мать Буту, чтобы забрать сына с собой в деревню. Но Буту, уже привыкший к ритму городской жизни, и ввечному общению и волонте, просил ее вернуться окончательно, уверяя, что все работы окончены, как только он получит возможность побывать в Лондоне. Он отдал матери все свое жалованье за последние три месяца, и она, успокоившись, вернулась в деревню.

А Буту, продолжая свою службу, начинал ощущать усталость от вынужденного безделья. Привыкший к такому образу жизни, он находил любые предлоги, чтобы пойти поспешить по базару. Однажды он не явился на службу. Об этом было должно управлению Буту сделать выговор, предупредив, что в случае если он еще раз самовольно отлучится, его немедленно выгонят вон. А ведь в этом случае надежда поехать на спортивные соревнования будет потеряна навсегда.

Буту не на шутку встревожился. Он виновато хлопая глазами и обещая впрямь вести себя, как положено стражу княжеской кухни. С этого дня он стал очень аккуратным и осторожным.

Год спустя я приехал по делу в Патналу. Однажды, выйдя на дорожку, я увидел медленно приближавшуюся коляску с седоком. Рядом с рикшей, опираясь на палку, шла старуха. Коляска подвезла ближней, и я в седоке узнал Буту Сингха. Он был в коротких штанах цвета хаки и в кожаных ботинках. Его рубашка и торбан выглядели сравнительно новыми. Он остановил рикшу и приветливо улыбнулся мне.

— Как поживаешь, Буту? — спросил я.

— Спасибо, хорошо, благодаря богу и вашей доброте! — ответил он. — Его светлость находится сейчас в своем летнем дворце. Как только он вернется, я точно же получу аудиенцию. Мои имя известно самым первым в списке... Я слышал, что осенью спортивная команда отправляется в Лондон. Надеюсь, что меня включат в нее...

Я заинтересовался, почему он едет в коляске.

Старуха — это была Ракоу — тяжело вздохнула и пробормотала:

— О, сынок, мой Буту никогда не сидел на одном месте, как какой-нибудь бездельник!.. Это тяжело отразилось на нем. Взгляни, как у него распухли колени! Бедный ты мой! — Она начала бить себя в грудь и причитать: — Я везу его в главный госпиталь, там ему лечат колени...

Я посмотрел на ноги Буту. Они выглядели сильные, круглые, как шипцы, колени сильно распухли. Сердце у меня болезненно сжалось при виде этого инвалида, едущего в коляске рикши.

Буту печально посмотрел на меня. Вдруг луч надежды мелькнул у него в глазах, губы приоткрылись, словно отвалился слой земли под лямочкой, и он сказал:

— Доктор лечит меня всякими электрическими машинками. Через неделю я буду здоров. Тогда я поеду в Лондон и приму участие в беге на сто миль...

Я взглянул на его лицо, почувствовал надежду, которая, как мирная, влекла его из одной пустыни в другую. Он был словно раненый олень, изнывающий от жажды и падающий с ног, но все еще надеющийся достичь воды, которая так заманчиво сверкает в отдалении.

Рикша тронулась с места, а я все стоял, прожывая взглядом мать и сына, пока они не скрылись за дальним поворотом дороги.

Перевод Ю. СМЕРНОВА.

ИТАЛИЯ РЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕИ

есть лет назад советские войны спасли от гибели Дрезденскую галерею — величайшую сокровищницу мирового искусства. Значение этого события становится особенно ясным, когда мы представляем себе, что великолепные шедевры накопленные здесь почти четыре века.

Перед истинно-прекрасным в искусстве время бесконечно: и мне, и любившим бы ни Гомером, Данте и Шекспиром, ни Рафаэлем, Тицимом и Пуссеном. Эти слова замечательного русского композитора и критика А. Н. Серова невольно вспоминаются на выставке картин Дрезденской галереи, открывшейся в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Картин великих художников Италии, Голландии, Фландрии, Испании, Франции, Германии полны высокого гуманизма, веры в человека, богатства мысли и чувства. Созданные несколько веков назад, они и сейчас остаются неувядаемо прекрасными, волнуют нас своим большим человеческим содержанием.

Самая значительная по объему и наиболее ценная по собранию часть Дрезденской галереи — коллекция итальянской живописи эпохи Возрождения.

Известно, что в период средневековья, когда церковью безраздельно господствовало во всей иерархии жизни, художники не могли обращаться к иным сюжетам, кроме религиозных. Почти тысячу лет в искусстве усиленно проводилась мысль о ничтожестве человека, о брешности всего земного. Но великие художники Возрождения сумели в традиционные религиозные сюжеты вложить новые смыслы, ориентирова персонажей церковных легенд в реальный мир, изображая их на фоне улиц и площадей, они отражали в своем творчестве живую жизнь.

Картини художников Возрождения пронизаны глубоким уважением к человеку. Сурового, гордого величия полны лица стариков и молодой женщины в картине Андреа Мантенья «Святое семейство», Величия и прелесть образа Сабеллы в картине Антониелло да Мессина. Нежным мирозаном проникнут очаровательный «Портрет мальчика» работы Пинтуррико.

Но самый большой интерес в итальянской коллекции представляют полотна великих мастеров шестнадцатого века: Джордонионе, Рафаэля, Караваччо, Тинторетто. Полные глубокой веры в человека, его красоту, светлую силу разума, картины величайших художников неизменно волнуют и восхищают зрителя.

Именно этим огромным внутренним содержанием привлекала и привлекает людей всемирно известная «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Свое название картина получила потому, что была написана Рафаэлем по заказу мадонны Святого Сикста в Пьяченце. Художник изобразил мадонну, легко сплывающую по облакам, как бы идущую навстречу людям. Она картина лишена деталей конкретной обстановки, зато герои ее — персонажи религиозной легенды, в ней заключены подлинно земной смысл. В образе мадонны — юной, прекрасной женщины, нежно и бережно несущей на руках своего маленького сына — Рафаэль воплотил высокое, благородное представление о прекрасном человеке, о великой нравственной красоте материнства. Мадонна лишена мимического оттенка холода, ее лицо полно одухотворенности и материнской нежности. Особенно выразительно глубокий, слегка печальный взгляд широко открытых глаз. Большое человеческое содержание в картине выражено в эстетически-совершенной форме, с предельной полнотой и безукоризненным мастерством. Недаром великий русский критик В. Г. Белинский писал о «Сикстинской мадонне»: «Что за совершенство, что за грация кисти! Невозь наглядеться!»

Большой гуманистический идеал Возрождения, представление о прекрасном человеке, о полной гармонии его с окружающим миром воплотил художник Джордонионе в своей картине «Спящая Венера». Джордонионе создал один из самых возвышенных и целокупных образов женской красоты в мировом искусстве.

Среди произведений итальянских художников второй половины шестнадцатого века особенно выделяются большие, полные праздничного великолепия картины венецианского художника Паоло Веронезе. Религиозный сюжет да Веронезе — лишь предлог, чтобы создать праздничную, блестящую зрелище. Недаром художник был вызван на суд инквизиции, обвинившей его в том, что он пишет религиозные картины без должного благочестия и заполняет их толпами своих современников. Картины Веронезе сияют радостными красками. Действие разворачивается на фоне стройных, марширующих и сияющих венецианских неба. Величавые венецианцы в богатых одеждах, белокурые женщины, воины в блестящих доспехах, маленькие арчатца, карлики, дети, играющие с собаками, нередко отступают на задний план персонажей религиозных легенд.

Несколькими прекрасными картинами представлено творчество последнего великого итальянского художника шестнадцатого века Жюлио Тинторетто. Одно из лучших его творений — «Спасение Арсиноа.

В поэтически-сказочном плане истолковывает художник средневекового периода зачинную призрачную процессию Арсиноа рыцарем Ганнмедом. Яко перенесено на попутное настроение возвышенности и тревоги, охватившее природу: покрытое туманом небо, бурное море, качающееся на своих волнах неустойчиво гондоло, в которую из мрачной башни опускается прекрасная Арсиноа.

В развале нидерландской живописи особое впечатление производит работа крупнейшего нидерландского художника пятнадцатого века Яна ван Эйка. Связанный средневековыми традициями в выборе темы, ван Эйк изображает Марию с младенцем Христом и святым как реальных, земных людей в современных художнику костюмах и в окружении терзающей и пылкой архитектуры.

Наиболее ранней по времени возникновения Дрезденской галереи является коллекция немецкого искусства. Еще в 1587 году саксонский курфюрст приобрел «Адама» и «Еву» Лукаса Кранаха — виднейшего немецкого художника шестнадцатого века.

Среди картин обращает на себя внимание портрет молодого человека, в котором мужественная решительность, характера сочетается с большим личным обаянием. Портрет написан великим немецким художником Альбрехтом Дюрером.

Блестящий расцвет искусства Фландрии семнадцатого века неразрывно связан с великим именем Петра Пауля Рубенса. Все творчество этого художника посвящено праздничному прославлению радости земного бытия человека, тесной связи его с могучими силами природы. Мировой известностью пользуются его замечательные картины: «Возвращение Дианы с охоты», «Меркурий, Ио и Аргус» и, наконец, «Вриваса».

Во фламандском зале можно видеть картины помощников Рубенса по его художественной мастерской — Ван-Дейка, Снайдерса, Ван-Удена, а также картин Мюрдаса.

Голландское искусство семнадцатого века представлено в Дрезденской галерее именами Рембрандта, Вермеера, Якоба ван Рейсдаля, Мейста, Остаде и др. Художники Голландии, освободившись от религиозной и инфантильной тематик, обратились к изображению человека в его повседневной жизни. С тонким реализмом и поэтичностью пишут они широкие холмистые долины с надвигающимися реками, пасмурное небо своей родной страны, небольшие дома с острокопечными крышами, дворники, комнаты, наполненные солнечным светом. В «Девушке, читающей письмо» художник Вермеер с необыкновенной лиричностью передает спокойную, сную радость человека. Изумительный по красоте солнечный свет сквозя раскрытых настелью окна наполняет всю комнату и заставляет загораться все краски в картине. Фигура молодой девушки кажется оштудированной мягкой прохладой, чистого воздуха, от которого как бы трепещет в ее руках тонкий лист бумаги.

Творчество величайшего голландского художника Рембрандта представлено в основном ранним работами. Среди них выделяются «Портрет Саския» в малюном берете и «Автопортрет с Саскией». В последней картине Рембрандт как бы проясляет свое счастье, праздничную радость жизни. Для художника уже в ранний период характерен интерес к внутреннему, душевному миру человека, передача его настроения и глубоких волнующих чувств. В портрете Саския, написанном с удивительно мягкой прозрачной световенно, образ молодой женщины полон внутреннего человеческого обаяния и задорного лукавства.

Суровой страстностью образов, демократичностью отличаются произведения испанских художников семнадцатого века. Одной из выдающихся картин испанского художника этого времени — Риберы — является его «Св. Агнеса». С большим человеческим чувством передан на полотне нежный и целомудренный образ девушки, полный внутренней чистоты и благородства. Существует предположение, что позировала Рибера его дочь Анна.

В Дрезденской галерее представлена также коллекция французского искусства. Среди замечательных картин семнадцатого века выделяется «Спящая Венера» Пуссена.

Одним из лучших произведений французской коллекции является «Общество в парке» Ватто, талантлившего французского живописца восемнадцатого века. Картина пронизана мягкой лиризмом, легкой иронией и мечтательностью, написана в тончайшей гамме, с еле уловимыми переливами цвета. Творчество французского художника Люитара представлено лучшим его произведением — «Шоколадница».

Произведения мастеров классицистской живописи, собранные в Дрезденской галерее, представляют собой величайшую художественную ценность мирового значения.

И. СМИРНОВА,
кандидат искусствоведения.

Т. СЕДОВА,
научный сотрудник Государственного музея
изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

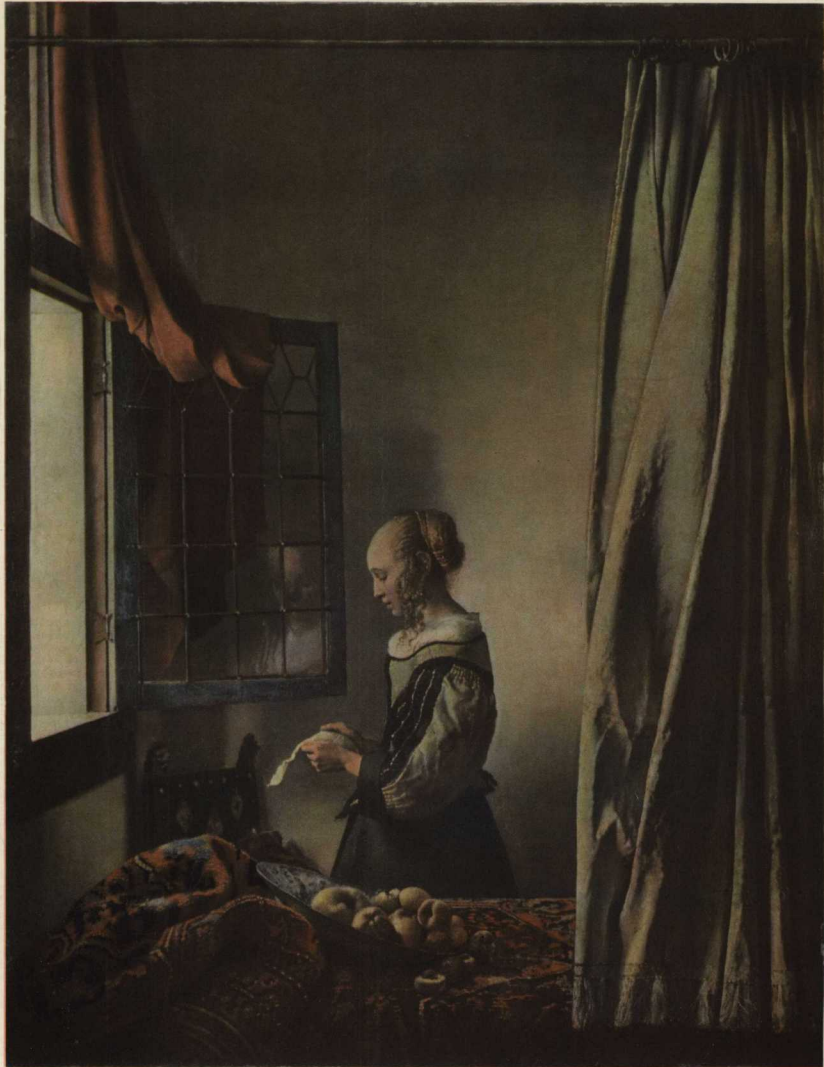
Рафаэль Санти (1483—1520).

«Сингинская мадонна»,
Дрезденская галерея.

Рембрандт ван Рейн (1606—1669)

«Автопортрет с Saskией»,
Дрезденская галерея.

Вермеер Дельфтский (1632—1675).

«Девушка с письмом».
Дрезденская галерея.

Жан-Этьен Люотар (1702—1789)

«Шоколадница».
Дрезденская галерея.

ПЛАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

В тихом зеленом уголке старого Веймара стоит небольшое двухэтажное здание с мраморной. Здесь жил и умер Фридрих Шиллер — великий немецкий поэт, который наряду с Гете был выразителем чаяний своего народа. Веймарский называл его «благородным адвокатом человечества».

Войдем в узкие двери Дома Шиллера — так называют веймарцы музей поэта. Тысячи посетителей проходит ежегодно по этим небольшим светлым комнатам, поднимаются по тесноватой лестнице на второй этаж, и все-таки кажется, что именно там и там, кто пришел сегодня с вами, сам Шиллер разрешил побывать у себя. Это чувство возникает уже в вестибюле музея, где великолепный мраморный бюст поэта, сделанный еще при его жизни, встречает вас у входа.

Вот рабочая комната Шиллера. На небольшом столе стоит старинный маленький глобус с одной окошкой, в углу полублестящие эвфемии поэта, на стене его любимые фотографии, над клавишами — студенческая гитара, у изголовья кровати — столик со свечой. Глядя на все эти вещи, особенно отчетливо представляешь себе живого Шиллера — вечно юного поэта, мечтателя и борца.

Вот на этом письменном столе девятю мая 1805 года, в день смерти поэта, родственники нашли листок с отрывком из последнего его произведения — незаконченной драмы «Деметрий», в котором были такие строки:

..О, для чего же здесь с тоской печально
бессмерной в зачехлении глужу?

Шиллер родился в 1759 году в семье мелкого чиновника, который во всем за-

висел от своего повелителя — вздорного самодура герцога Вюртембергского. По воле герцога, самовластно распоряжавшегося судьбой подданных, Фридрих Шиллер должен был стать слушателем военно-медицинского училища, а затем начать службу в армии. Кариковое герцогство Вюртемберг граничило с такими же мелкими феодальными государствами, на которые делилась Германия в конце XVIII века. В соседнем герцогстве, до которого было несколько часов ходьбы, Шиллер считался уже иностранцем.

Тяжело было немецкому народу, изнывавшему под игом феодалов, лишеному национального единства. Шиллер остро переживал губительные последствия раздробленности Германии. Он вынужден был тайно бежать из Вюртемберга: герцог запретила ему заниматься литературой.

Широкую известность принесла Шиллеру его первая драма — «Разбойники». Герой этого произведения, храбрый и воледушный юноша Карл Мур, встав во главе ватаги обездоленных людей, мстил князьям и их чиновникам за притеснения и обиды. Немецкая молодежь с восторгом встретила появление этой драмы, смело обличавшей аристократов, учившей любить простой народ, завшея на борьбу против угнетения. «Против тиранов» — таков был эпиграф пьесы. Он прозвучал как боевой призыв, услышанный во всех концах Германии.

Трудно сложилась дальнейшая жизнь поэта. Он испытал немало лишений, отнятая все свое время напряженному творческому труду. Нередко Шиллер вынужден был отрываться от своих поэтических замыслов, чтобы обеспечить семье кусок хлеба. Во многих письмах поэт с горечью признавался, что ему приходится бороться с нуждой. В тяжелых условиях им были созданы бессмертные стихи, исторические исследования, которые могут служить образцом немецкой прозы, драмы, пользующиеся огромной популярностью у зрителей.

Герои Шиллера страдают и гибнут, но остаются верны своим гуманистическим идеалам. Таковы Фердинанд Вальтер, молодой знатный офицер, порвавший со своей средой и объявивший ей войну (драма «Коврство и любовь»); юный воин Макс Пикколомини, предпочитающий смерть примирению с низкими, своекорыстными политиками — торговцами родины (трилогия «Валленштейн»). Таков республиканец Веррина, убивающий своего друга Фиеско, который стал врагом свободы (драма «Заговор Фиеско в Генуе»), и швейцарский патриот Вильгельм Телль, поднимающий земляков на борьбу с иноземными феодалами (драма «Вильгельм Телль»).

Не менее замечательны и женские образы Шиллера. Обязательная женственность сочетается в них с готовностью совершить героический поступок. Эти черты мы видим и в Луизе Миллер, возлюбленной Фердинанда Вальтера. Ее, простую немецкую девушку, не сломили ни подкупы, ни угрозы врагов — аристократов и их пособников. Героизм, душевная чистота, глубокая любовь к родине присутств французской крестьянке Жанне д'Арк, героине драмы «Орлеанская дева».

Знакомясь с произведениями Шиллера, мы чувствуем всю силу его живого, волевого таланта. Особенно актуально звучит теперь призыв поэта бороться за лучшее будущее немецкого народа, за его единство и свободу. Вместе с тем Шиллер подчеркивал, что добиться свободы и счастья немцы смогут только в согласии с

другими народами. Об этом прекрасно сказано в одном из его лучших стихотворений «Гимн к радости»:

Обнимитесь, миллионы,
Сбейтесь в радости одной!
..Стойкость в муку нестерпимой,
Помощь тем, кто угнетен,
Силы князьям нерушимой —
Вот священный наш закон!

Творчество Шиллера, инфосом которого, по словам Чернышевского, является «пламенное сочувствие всему, чем благородно и силен человек», по праву вошло в сокровищницу мировой культуры. Человечество чтит память Фридриха Шиллера. По решению Всемирного Совета Мира, в этом году широко отмечалось столетиялетие со дня смерти великого немецкого поэта.

..Поклялся музей, мы встретили шлепную нам навстречу группу солдат и офицеров Советской Армии. Работники Дома Шиллера тепло приветствовали их. И это понятно. Они здесь, жалеяные гости: в 1945 году советские воины активно помогли восстанавливать здание музея, поврежденного американскими бомбами.

Нельзя русских людей посетил Дом Шиллера, чтобы поклониться памяти великого немецкого поэта. Экскурсовод рассказывает, что еще в 1813 году, когда русские и немецкие войска оккупировали Германию от французских оккупантов, русские офицеры навещали окрестивший дом поэта, беседовали с его вдовой, осматривали библиотеку.

..Уходя, мы в последний раз оглядываемся, прощаемся с Домом Шиллера и его посетителями — простыми труженниками Германской Демократической Республики.

Экскурсовод начинает новую беседу. Светловолосый юноша со значком Союза Свободной Немецкой Молодежи и солдат Советской Армии, сто явлом, с интересом рассматривают выцветшие переплеты книг XVIII века, к которым прилепалась рука Шиллера. Скромный дом великого поэта всегда открыт для его подлинных друзей — честных людей, оставивших дело мира.

Профессор Р. САМАРИН

Веймар — Москва.

Дом Фридриха Шиллера в Веймаре.

Песня о любимых

(Из кинофильма «Богатырь идет в Марто»)

Слова Евг. ДОЛМАТОВСКОГО.

Музыка Ю. МЕНТУСА.

Умеренно rit. a tempo

В плавающие нынче уходил опять,
Огней над коромой замаятился.
Обида корки свою старую мать,
Мордачок губам испустил.

Привел:

Грохочет шторм, бушуют волны,
Немало бурь в морской судьбе,
Но знай, родная, сердце полно
Любовью светлою к тебе.

В путь провожают товарищ нас,
Берег за дымкой туманной,
Видит моряк среди тысяч глаз
Печальные очи желанной.

Привел.

Нашей советской земли островок,
Вдаль парокд уплывает.
Мы не боялись стуровых дорог:
Любовь расстояний не знает.

Привел.

В плавающие нынче уходил опять,
Огней над коромой замаятился.
Обида корки свою старую мать,
Мордачок губам испустил.

Привел:

Грохочет шторм, бушуют волны,
Немало бурь в морской судьбе,
Но знай, родная, сердце полно
Любовью светлою к тебе.

В путь провожают товарищ нас,
Берег за дымкой туманной,
Видит моряк среди тысяч глаз
Печальные очи желанной.

Привел.

Нашей советской земли островок,
Вдаль парокд уплывает.
Мы не боялись стуровых дорог:
Любовь расстояний не знает.

Привел.

«Песня о любимых» из кинофильма «Богатырь идет в Марто» редакция публикует по просьбе моряков советского торгового флота В. Петрова, А. Сенцова, Ю. Юрвея и других.

Сильвиу ДЖОРДЖЕСКУ,
Никунда ТЭНАСЕ

МАТЧИ

Рассказ

— Вы даже не представляете, что такое коза для белого человека, — часто говаривала моей отце! — Коза — это богатство.

Я недоумевал: как же так? Если коза — богатство, то бедняк, имеющий козу, уже не бедняк?

У нас есть однопорода коза. Она в сезону не постоит на месте! Один рог непорода потеряла в драке. Сколько я из-за нее получил побоев... Но все-таки хорошо, что у нас есть коза: благодаря ей я могу уходить из дому.

— Тудор, возьми козу и ступай с ней в поле! — сердито кричал отец по утрам. — Только не позволяй ей обглодывать чужие деревья, иначе я с тобой шкуру слыщу!

Но можно ли увидеть возле козы, если рядом ребята играют в футбол, а ты самый лучший центр нападения? Только я выду на поле, как ко мне летят гурьбой ребята:

— Играть за нас!
— Ну, нет, за нас, их и так много!

— Тогда брось жребий!
— Возьмите себе Тудора, мы возьмем к себе Ханчу! — кричат ребята.

Ханчу — лучший вратарь в наших краях. Еще никому не удалось забить ему гол. Он прыгает, как кошка. Мы с Ханчу никогда не играем вместе. Двум лучшим играть в одной команде — это недопустимо!

Начинается игра. Мы бежим за мячом, только птили сверзуют. Трапичный мяч чуть вылетел в траве. Я делаю «фити» — и обвожу Пшшота.

Я бегаю быстрее всех. Иногда коза с громким блещением бросается за мной следом. Ребята смеются до упаду.

Я же говорил: это ведьма, а не коза!

Земля, на которой мы играем, принадлежит господину Понеску. Куда ни посмотришь — всюду его владения. И овраг, где мы играем, тоже его. Много денег у этого господина Понеску. Есть у него и дома и лошади. Только жены нет. Нынешним летом она сбежала от него.

— Злость да жадностью своей довел он ее до этого, — говорил мой отец.

Однажды со мной случилась беда. И все из-за козы... Как-то в воскресенье рано утром меня разбудил капитан нашей команды Захария.

— Эй, ты, — сказал он, — в пять часов мы играем с командой «Бэрбосу». Обязательно приходи! Это официальная встреча, слышишь? Только козу оставь дома!

И встал.

В три часа приходит домой отец, я прошу его, умоляю отпустить меня поиграть — все напрасно! Хоть умри, не разрешает отец уйти без козы. Беру с собой козу: другого выхода нет.

В овраге собралась вся наша команда «Арвация». Захария подходит ко мне и говорит:

— Как мы договаривались?
— Я не мог иначе, — оправдываюсь я, — без козы отец не пускает.
— Ладно, — соглашается Захария, — привяжи ее к дереву и дай измерить поле.

Мы отсчитываем сто шагов, разметим ворота. Потом сбрасываем с себя одежку и складываем из нее две кучки по бокам «ворот». Захария внимательно осматривает нас. Вагда же оставливаются на длинных, не по росту брюках Пшшота. Она досталась ему от старшего брата.

— Сними брюки! — приказывает капитан команды. — В игре такие брюки только мешают.

— Не могу! — отвечает Пшшот. — У меня под ними ничего нет.

Гура усаживается посреди «поля» и зашнуровывает свой единственный ботинок. Он нашел его в мусорной ящике. Захария смотрит с завистью на Гура. В таком снаряжении, конечно, забьешь мяч в самый угол, и любые колочки тебе впишутся.

Появляется один противник — команда «Бэрбосу». Только лучший их игрок Вантеле не смог прийти. Отец не пустил его. Вот что значит не иметь козы!

— Будете играть без Вантеле? — спрашивает мы.

— Буем! Только дайте нам

игрока! Ханчу или Тудора,— отвечают они.

— Ладно! — соглашается Захария.— За это вы разрешите нам пробить вам три штрафных удара!

Мы разгряваем ворота, ставим мяч в центре поля и начинаем игру. Я сразу же забываю о козе.

Вот я получаю мяч от Пощопорина, передаю его Захарии. Захария возвращает его мне, я беру с ним вперед, к воротам «Бэрбосов». Кто-то из «Бэрбосов» подставляет мне ногу, и я падаю.

— Стойте! — кричу я. — Там играть нельзя! — И хочу уйти с поля.

«Бэрбосы» упрямшают меня, кланются, что это случайность. Мяч возобновляется.

Мяч у брата Пощопорина. Но игра не клеится. То они терпят мяч, то его теряют братья Маня. Вот мяч у «Бэрбосов».

Подбегает Гурь Нипрасло. «Бэрбосы» прорывались сквозь защиту. Вот они у ворот. Верный гол! Я не знаю, чего стоит Пшишок. Он, мямля, путается в брочках, доставшихся от брата. Я бросаюсь вперед.

— Захария! — кричу я.

Поздно! Удар... Но Пшишок бросается на мяч и накрывает его своими брочками.

— Bravo, Пшишок!

Некоторое время ноги «Бэрбосов» с вострою колят вместо мяча по Пшишку.

Вдруг я спохватываюсь: куда же делась моя коза?

Игра прерывается. И тут же раздается чей-то предостерегающий окрик:

— Сторок!

Я останавливаюсь, ошеломленный. Первым бросается наутек Ханчу, за ним остальные: Захария, Бешваз, братья Маня, Гурь, Бегут и «Бэрбосы».

Сверху в овrag спускается Попеку со струги и собаками. Два пса наступают Пшишота. Бедный Пшишок!

Господин Попеку устремляется ко мне, размахивая дубиной.

— Хватите, гол! — рычит он. Еще немного, и он меня схватит. Я быстро отскочиваю в сторону. Дубиной летит мне вслед.

Хватается за кусты, я вбегаю вверх по склону оврага. Я спасен. Но где же моя коза?

Захария пересчитывает нас. Кроме Пшишота, все налицо. Вся «Ардация». «Бэрбосы» разбежались. Мы смотрим вниз. Струги бьются по оврагу, собирают напуганную одежду. Нам помогает сам господин Попеку.

Мы кричим сверху изо всех сил: — Дяденька, отдай напуганную одежду!

— Прости нас, ради бога!

— Отдай нам и козу!

Попеку рвет и мечет. Он окрип от крика.

— Негодный боск! Твоя коза испортила мне сад. Все деревья обглодала. И забор! Вы мне заплатите! Вам это так не пройдет, нет!

За криком господина Попеку мы не замечаем, как прильнула Пшишок. Он весь в слезах и тихо плачет. Плачут и Ханчу, и Пощопорин, и Захария...

— Дяденька, отдай одежду! Плачу и я:

— Дяденька, и козу отдай!

...Легбегат Тудор Михай аллодирует так, что у него горят ладони. На зеленом поле стадиона команды обмениваются букетами цветов. Игроки обнимают друг друга. Жаль, что отсюда, с трибун, не видны их лица.

Начинает играть оркестр. Всюду флаги, знамена всех цветов. Весь стадион поет. Поет на всех языках мира.

Михай обращается к девушке, сидящей рядом:

— Если можно, дайте мне на минутку бинюки!

— Пожалуйста!

Лейтенант смотрит на поле, потом на трибуну. На них собрались люди всех возрастов. Много голов. Кое-где виднеются широкополые соломенные шляпы, папахи, шелковые косынки, фески. Девушка поворачивается к Михаилу.

— Вы ищете кого-нибудь, товарищ лейтенант?

— Нет!.. Благодарю вас! — Он возвращает бинюки.

— Вы здесь ни разу не были? Вопрос застаивает его улыбку.

Лейтенант может ответить девушке, что он отсюда родом, с этой окраины, и что его родители и сейчас живут в Балта Алба. Но девушка неожиданно обращается к группе молодых китайцев, сидящей позади них.

Лейтенант внимательно следит за игрой и видит, как центр нападению осуществляет несколько удобных моментов... Но вот правый крайний нападения команды противника останавливает мяч и точно передает в центр. Там игрок подхватывает его, быстро проходит вперед, обводит полузащитника, красиво передает левому крайнему. Тот входит с мячом в штрафную площадку. Сейчас он будет бит.

Зрители вскакивают. Это верный гол... Вратарь неожиданно прыгает и ловит мяч в воздухе.

Зрители в восторге. Тудор Михай неустойно аллодирует.

— Bravo, вратарь! — кричит он. — Как фамилия вратаря, товарищ?.. Bravo, вратарь!

Свисток судьи возвращает конец первого тайма. Михай встывает, что у него от хлопков распухли ладони.

К его соседке обращается молодой человек в темных очках:

— Что ты скажешь о вратаре? Я этого ожидал. Я еще вчера вечером беседовал с ним, он сказал: «Будь играм, как никогда».

Он, конечно, хорошо знает это поле.

Тудор Михай украдкой наблюдает за игрой.

— Хватуни,— решает он.— Подумаешь, друг вратаря...

— Если бы вы знали, как выглядели когда-то эти места! — говорили вдруг девушка лейтенанту. — Вы видели клубы цветов и машины, стоящие у входа на асфальтированных площадках?.. Спрости моего брата, это было тут в прошлом. Он был когда-то капитаном футбольной команды здесь, в овраге Верной. Постойка, как называлась твоя команда?

— «Ардация», — улыбается молодой человек в очках.

Лейтенант вскакивает на ноги. Зрители удивленно смотрят на него.

Молодой человек снимает очки. — Захария!

— Тудор!

— Сколько лет мы не виделись!

— Ты знаешь, кто стоит на воротах?

— Кто?

Наш Ханчу!

Раздается свисток судьи. Мяч взлетает в воздух. Он летит от вратаря, в воротах стоит Ханчу. Легкий ветерок колышет раздувшиеся флаги. Над ними кружатся голуби.

Сорванный перевод с румынского

П. РОЯЗМАН.

КУКУРУЗА ЗА ПОЛЯНЫМ КРУГОМ

Почти в двухстах километрах севернее Польного круга стоит суровая Кибичинская гора. Между холмистым озером Большой Вудьяр и отрогами гор, в бедных долинах елей живописно раскинулись на холмах несложно доступных деревянных дощечных острин. Крутыми крышами. Недалеко от них виднеются стальные решетки биологического отдела Кольского филиала Академии наук СССР. В одних домиках живут научные сотрудники и лаборанты, в других размещены лаборатории, кабинеты, помещения для гербария.

Есть у биологов и свои опытные поля, на которых испытывают различные культуры. Трудно вести работу в суровых условиях Заполярья, где снег часто лежит до июня и выпадает в июле сентября, где средняя температура воздуха подчас топчется всего лишь в 5—10 сантиметров. Но, несмотря ни на какие трудности, работа идет. Началась в начале освоения края, «специалисты» утверждают, что здесь невозможно развивать сельское хозяйство. Их доводы опровергнуты жизнью. Давно уже за Полярным кругом выращивают тофели, капуста и другие овощи. В совхозах разводятся молочные, где снет свиной, домашнюю птицу.

У биологов Кольского филиала много различных научных задач. Они изучают почвы, создают и внедряют новые виды удобрений, анализируют растительность.

Летом среди упрямых красок северного пейзажа резко выделяются сочной зеленью растений поля и долины Кольского филиала. Здесь можно видеть густую полевую коверку, кусты кормовой напасты, покосные на зинти, лобели борщевника и даже раскоченные места под солнцем. А в прошлом году на делных зеленели и стрельчатые листья кукурузы.

Это был смелый опыт. Кукуруза — южное, теплолюбивое растение. Может ли она прижиться в условиях Заполярья? Первое же лето показало, что может. Из шестидесяти шести испытываемых сортов большинство дали сочные, густые всходы. Под руками находится первый урожай кукурузы. Полярного сорта кукуруза быстро шла в рост и набирала силу. Пылава зерно вызрело раньше, чем для синопса восточные вполне годилось. Устойчивый урожай кукурузы дал 300—350 центнеров сплошной массы.

Смелый опыт дал положительные результаты. Многие из нас родом из Поволжья, Мурманской области, исключая олений, завесило от привозных кормовых культур. Теперь известно, что кукуруза и другие кормовые культуры могут выращиваться на Севере. Будет создана своя, заполярная кормовая база.

А. ВОЛОДИН.

«ЧЕСТЬ ПАПАМИ»

Герой Советского Союза
М. ВОДОПЬЯНОВ

Город Дербент в средние века был опоясан мощной крепостной стеной длиной в сорок с лишним километров. Когда-то она считалась неприступной твердыней, но за претрагивавшей путь завоевателей. Стена, сложенная из тысячелетних обветшалых огромных камней, пригнанных друг к другу без всяких цементирующих составов, выдержала века.

В Дербенте есть странные восточные кварталы — «магалы», — где небольшие двухэтажные домики нагажу огорожены и такие узкие проулки, что в них не разгуляются две арбы. Но не эти кварталы определяют лицо города, а широкие улицы с многоэтажными красивыми зданиями. В теплые вечера эти улицы заполняют молодежь: утешнее сельхозтехникум и средних школ, молодые инженеры, колхозники — члены дербентских сельхозартелей-машинистов, слышащих по всему Дагестану высокими урожаями винограда.

Приезжкому трудно не обратить внимание, что на головах многих юношей лихо заломлены папахи из серого, золотистого или черного каракуля. Встречаются, конечно, и молодые люди с непокрытой головой — кто-то носил в степях и славянские шапки, кепки, но папах все-таки больше.

Юности Дагестана не расстается со своими папачками: их теплая южная шкура или каракуль — мужьям папачки, что конь без хвоста», — говорят горцы.

Папача — «высеска» мужского достоинства, знак чести мужчины. Но, к сожалению, многие понимают эту «честь» по старинке.

...Однажды в поселке Избербаш появилась молодой портной Магомед Идрисов в широкую каракулевую папачу. Идрисова направили закройщика в артель «Кооператор», где работали один девушка.

— А ну-ка, вы папачи, поосторожьтесь! — пренебрежительно заявила новый закройщик в первый же день работы. Сама себя Идрисов называла «Е». Если требовался утюг, он, не смущаясь, отнимал его у девушки, если не хватало ниток, он забирал катушку у любой мастерицы. Респонсивившей закройщик осмысла мастерицы брались и оскорблялись.

Вначале девушки терпели, прощали. Но потом стали протестовать. Вопрос о нем решили поставить на комсомольском собрании артели. Член ВЛКСМ Идрисов на собрании не явился. Как рассказывали очевидцы, он отправился в закускую и хвастался там своим соубытничком:

— Они у меня еще не так запоят! Забыли дедовские законы мужчины — все! Кто себя разумется, что этого «мужичину» с позором изгнали из рядов комсомола. Случай этаа достоянием общестственности, о нем писала газета «Комсомолец Дагестана». А сколько подобных адресов еще не написано за их кулацкое отношение к девушкам, несомненное не только с высоким званием комсомольца, но вообще с нормами поведения молодого советского человека! Пренебрежительно отношение к женщине уходит в се-

дую древность. По древним дедовским законам, женщина должна была выполнять самую тяжелую работу и в поле и дома. Все общественные вопросы разрешались без ее участия. На сельский сход приглашали юношу или мальчика. Женщину, если даже она была главой семьи, на сход не допускали. Судительское показание одного мужчины признавалось, а показания двух женщин. В присутствии посторонних женщина не имела права садиться за общий стол. Рождение дочери считалось несчастьем...

Еще более забавна горняку шарият — мусульманское религиозное право, — настолько введенный в горах Дагестана Шамилем. Шарият низвел женщину до положения рабыни, узаконил выдачу замуж несовершеннолетних.

Великий Октябрь раскрепостил горняку. Чудесные перемены произошли в Дагестане. Тысячи женщин — аварки, лезгинки, кумычки, даргинки, татки и преставительницами других тридцати шести национальностей, населяющих Дагестан, — работают педагогами, врачами, агрономами, зоотехниками, трудятся на промышленных предприятиях, в учреждениях и колхозах. Сораз женщины избраны депутатами Верховного Совета ДАССР, около четырех тысяч — депутатами сельских, районных и городских советов.

И все же отголоски алаты и шарията никак не хотят уходить. Подчас дедовские законы оказываются не менее крепкими, чем выщербленные ветрами столетий камни дербентской стены.

...Одна молодая учительница из города Буйнакска, член обкома ВЛКСМ, рассказала мне о своей дружбе с видным в республике комсомольским работником.

— Мне он казался отчаянным товарищем — передовым человеком, лихенным в великих трудностях, — говорила девушка, — но, к счастью, я во-первых разгадала этого человека. Случилось это летом. В Махачкале стояла на редкость жаркая погода. Спаялось от жары, молодежь отдалась на пляжи. Там же встретилась подружка была и я, в то время студентка педагогического института.

Увидев меня на пляже, мой «друг» закричал: «Машидэт, немедленно одевайся и уходи отсюда».

— Почему? — возразила я. — Ведь здесь мой подруги...

Он глумился, что ты тутчас же ушла с пляжа. Потом объясню...
Объяснение было бурным:

— Я не позволяю, чтобы другие мужчины смотрели на мою новесту в купальном костюме. Запрещаю себе куляться! — кричала «передовой» комсомолка.

Молодая учительница рассказывала об этом случае с грустью:

— Так всею собой жених. Представляю себе, что бы он делал, став своим мужем!

Я не спросила у девушки, носила ли ее «друг» папачу. Но сегодня мне припомнились другой «ответственный товарищ», с которого я встретилась в Махачкале. На нем была модная вельюровая шляпа, а в петлице его пиджака поблескивала уни-

верситетский значок. Он позвал нас к себе домой на «жинкал» (национальное азербайджанское блюдо из мяса, лопши и класото молока).

Молодежь женщина с двухэтажным мальчиком на руках открыла нам дверь. — Кто это? — спросил меня.

— Жена. Она из моего родного аула. Мы узнали, что ей всего только восемнадцать лет, а ему уже тридцать шесть и он третий раз женат.

Женщина накрыла стола, низко поклонилась гостям, ушла и больше не появлялась.

— Где же ваша жена, почему она не с нами? — любопытствовал я.

— Она на кухне, там ей лучше. — Невозмутно заметил человек с университетским значком.

В его комнате было много книг, на одной из полок шкафа выдвинулся томик Маяковского. Как хотелось нам напомянить их вальдывогом строки поэта:

Коммунизм не только у земли,
у фабрик в погу,
Он и дома — за столом,
в отношениях,
в семье,
в быту.

...В начале этого года в Дагестане стало известно о замужестве Патимат Абурахрамовой — ученицы четвертого класса.

Некий Абакар Гаджиев, замая из Кирчеи, решил жениться, хотя у него была уже третья по счету жена. Он поступил с ней по закону шарията, разрешающему развод с любой женой, самым незначительным поводом.

Руководствуясь «законом дедов», этот подлец заявил своей жене:

— С сегодняшнего дня ты мне не жена. Отпускаю тебя на все четыре стороны, — и выгнал из дома.

После этого Гаджиев стал уговаривать родителей Патимат Абурахрамовой отдать ему девочку в жены.

— Ведь со мной она будет жить, как в раю. А что Патимат придется бросить школу, — не буди, женщина грамота ли к чему!

Обытй советские законы этому морально растленному типу помог его соубытничник, заведующий Буйнакским райзастом Ташутдин Гаджиев. Он выдал фальшивую справку о совершенном разводе Патимат.

Так в 1955 году ученица четвертого класса против ее воли была выдана замуж, и никто не помог несчастной — ни школа, ни комсомольская организация.

Душевшь об этих фактах, и на память приходит слова А. Жданова об отчаянных товарищах, которые считают, что если допущен брак в производственной или не выполнена производственная программа по широтребу, или не выполнены планы заготовки, или не выдана за это выдано естественное дело, а во если допущен брак в отношении воспитания человеческого духа, если допущен брак в деле воспитания молодежи, то здесь можно и потерпеть. Между тем, разве это не более горшая вина, чем невыполнение производственного задания?

Да, много «брака» допускает в своей производственной деятельности комсомольская организация. Да, борются с браками с мерзкими пережитками прошлого, мало внимания уделяют атеистической пропаганде.

Судьба ученицы четвертого класса Патимат Абурахрамовой настолько тревожит, что на повестке дня комсомольских собраний было остро поставлен вопрос о быте молодежи, о ложно понимаемой «чести папачи», о борьбе за здоровый, социалистический быт, за коммунистическую мораль.

Обращаясь к молодежи с просьбой: обудить приведенные в этой статье факты. Пусть подобные уродливые явления редко встречаются в папачи, а в борьбе за атеистическую мораль, но их совсем не должно быть. Они несомненно с нашей советской жизнью.

НА РИНГ ВЫХОДЯТ ЮНОЩИ

Беседа со старшим тренером по боксу спортивного клуба ДСО «Крылья Советов» В. И. Огурниковым

При клубе ДСО «Крылья Советов» уже двадцать пять лет существует детская спортивная школа. Учеников и воспитанников ее каждый вечер можно встретить на ринге в клубе.

Заглянем в один из залов. Молодые боксеры ведут тренировочные бои. Мелькают кожаные перчатки... Ничто не ускользает от взгляда опытных тренеров. Они то и дело останавливают разговорчивых «противников», указывают на недостатки, и снова закипает бой.

Сейчас в детской спортивной школе занимаются боксом больше ста двадцати юношей. Начиная с пяти лет работы, мы прежде всего ставили задачу, чтобы все молодые спортсмены закалялись физически, освоили спортивное мастерство.

Недавно юные боксеры старшей группы продолжали нас побеждать на первенстве Москвы. Чемпионами столицы стали Олег Григорьев, Вадим Пискалов, Олег Чигрикин. А Владимир Ковригин добился лучших показателей на первенстве СССР в среднем весе.

Но мы стремимся, чтобы наши молодые спортсмены добивались не только высоких технических результатов. Мы держим постоянный контакт с родителями своих учеников, со школами, где занимаются ребята. Наша цель — воспитать грамотных, культурных, всесторонне развитых юношей.

Из стен детской спортивной школы вышло уже немало известных мастеров бокса. Кто же знает Сергея Шербакова, десятикратного чемпиона Советского Союза, заслуженного мастера спорта? Он впервые одержал перчатки и вышел на ринг в тренировочном зале нашей школы. Больших успехов добились и другие наши воспитанники — мастера спорта Александр Любимов и Василий Романов.

За последние время из новичков школы выдвинулись Борис Подшивалов, Альберт Яковлев, Виталий Штапов. Стал чемпионом Советского Союза наш питомец Борис Степанов. Мне доминик, как пришел к боксерскому секцион этот скромный, молчаливый юноша. Пожалуй, никто не изучал технику и тактику бокса более кропотливо, чем он. Но Борис Степанов занимался не только боксом. Юноша сдал нормы ГТО и участвовал в соревнованиях по различным видам спорта. И вот его первый международная встреча, да еще с таким грозным противником, как Пенгити Хамаляин, который является обладателем приза «Золотые перчатки». Первый раунд прошел с преимуществом финна. Однако Степанов не терпит неуверенности в бою. В перерыве он выслушал совета тренера Виктора Михайлова и мой и снова начал бой. Стремительную атаку Хамаляина он встретил точным ударом, и противник оказался в нелегком. Финн поднялся, но не выдержал. Степанов нокаутировал его после бурной атаки, характерной для питомцев нашей спортивной школы. Степанов дважды завоевал звание чемпиона СССР и чемпиона всемирных студенческих игр.

Отлично выступает в другой мастерской перчатки, Борис Ташин. Он трижды завоевал

Первая победа! Судья поднял руку юного боксера Миши Абуллина, ученика 6-го класса 174-й московской школы.

Фото В. Кругликова.

вал звание чемпиона СССР в среднем весе, победив на международных соревнованиях двукратного чемпиона мира Ласло Паша.

О боксерах, вышедших на ринги страны из нашей школы, можно рассказать много. Мы радуемся их успехам. Но главное для нас — работа с этими воспитанниками, пришедшими в спортивную школу год — два назад. Уже сейчас многие ребята показывают хорошую технику, умеют тактически правильно построить бой.

В этом им помогают тренеры. В нашей детской спортивной школе успешно работает тренер Михаил Иткин, в прошлом боксер-перворазрядник. За короткий срок он вырастил немало хороших боксеров. Метод воспитания, который применяет Михаил Иткин, на первый взгляд может показаться суровым. Тренерки строятся так, чтобы боксер наряду с техническими навыками приобрел выносливость, которая так необходима в бою. Подобные тренировки выдержать не легко. Но ведь давно известно: тяжело в учении — легко в бою. И действительно, юноши, прошедшие его школу, стали отличными боксерами, умеющими

вести состязание в самом высоком темпе. О мастерстве юношей можно судить хотя бы по тому, что им разрешают выступать за взрослую сборную команду боксеров «Крылья Советов». Недавно на соревнованиях на «Кубок Москвы» юноша Олег Григорьев выиграл бой у неоднократного чемпиона СССР мастера спорта Г. Гарбузова, а Олег Чигрикин в упорной схватке победил мастера спорта В. Смирнова. Блестящие победы!

Как правило, успехов в спорте добивается только тот, кто тренируется не от случая к случаю, а настойчиво и упорно, круглый год. Это помогает юным боксерам всегда сохранять хорошую спортивную форму, всегда быть готовыми к любой схватке. Труднолюбие и ease раз труднолюбие — вот в чем основа успеха.

Я не берусь предсказывать, как сложится спортивная судьба каждого из наших воспитанников. Несомненно одно: те, кто по-серьезному увлечется боксом, сумеют добиться хороших результатов.

Мне хочется пожелать юным боксерам больших успехов, а молодым спортсменам, впервые вышедшим на ринг, — первых побед.

стевинков, известных поперек асму-миру.

Настоящее творение Арктики началось после Великого Октября. Уже в первые годы советской власти партия и правительство наметают грандиозную программу освоения Крайнего Севера. Оттуда навсегда изгоняются американские, японские, английские и другие кушчи-хищники, бесхозяйно грабившие северные народы. Советские люди вписали в историю человечества покоряют неприступный Север и воздвужают над ним знамя нашей Родины.

Смелый исследователь «неожеланных земель» Г. А. Ушаков, руководивший экспедицией 1930 года, сказал об усилиях советского человека в борьбе за освоение Севера просто и хорошо: «Флаг, ревящий над Кремлем, взвился и на Северной Земле. Сквозь лед, снега, туманы и полярные метели будем продвигать наш флаг все дальше и дальше к северу».

В краю, где редко-редко можно было встретить человека, оставившие срубку кулешных амбаров, в послевоенные годы выросли новые города.

Пришли советские люди и на полюс. Принли не ради рекордов и личной славы, не ради науки, служащей народу.

Чтая книжку П. Барашева, проникаешься великой гордостью за советского человека: полюс открыт для него обитавшим землей. Начиная с 1937 года многие наши самолеты совершали посадки на его льды, многие наши ученые-исследователи не раз сооружали там свои лаборатории. Обитавшему широко наступление на полюс началось после Великой Отечественной войны. В 1950 году в районе так называемого Полюса недоступности была создана первая станция «Северный полюс-2». Весной 1954 года Академия наук совместно с Главным управлением Северного морского пути организовала полярку, небывалую по масштабам высокоширотную экспедицию, одним из участников которой и довелось быть автору книжки «В краю Большой Медведицы».

Автор очерков принадлежит к числу тех любознательных людей, которым до всего есть дело, для которых нет «энигерстических» типов, «энигерстических» событий. Автор очерков принадлежит к числу тех любознательных людей, которым до всего есть дело, для которых нет «энигерстических» типов, «энигерстических» событий. Автор очерков принадлежит к числу тех любознательных людей, которым до всего есть дело, для которых нет «энигерстических» типов, «энигерстических» событий.

Автор очерков принадлежит к числу тех любознательных людей, которым до всего есть дело, для которых нет «энигерстических» типов, «энигерстических» событий. Автор очерков принадлежит к числу тех любознательных людей, которым до всего есть дело, для которых нет «энигерстических» типов, «энигерстических» событий.

Обо всем этом людях рассказано с большим увлечением к их труду, который каждый день, каждый час, каждую минуту граничит с подвигом. И хотя об этом много написано в газетах, журналах, в газетах все же хочется сказать: книжка познакомит его с людьми большого мужества, большого товарищества.

Книголюбству нужны такие книжки. Пусть они как можно чаще выхо-

дят в «Молодой гвардии». Для этого издательство должно подлить свою организующую роль: тщательно подбирать авторов, включать их в партии различных экспедиций—тогда появление хороших книжек в «Библиотеке путешественника» будет не так счастливым исключением, которого сейчас ждут годами.

В. ТЕПЛУГОВ

Стихи нашего друга

Владимирское областное издательство выпустило книгу избранных стихов молодого поэта Ивана Ганабина, безвременно умершего в 1954 году. Читатель и перечитает все эти стихи и перед глазами ясно встанет образ лирического героя-поэта, образ светлый и благородный.

Восьмь лет продлужил Иван Ганабин на флоте. Там, под небом суровой Балтики, в тяжелые годы войны прозвучал его поэтический голос, там сформировался и закалялся его характер.

Давалось простое,
Но ты не простое,
Но и мучил день ото дня.
А был я маленького роста,
И звали «энигерстем» меня.

Я постигал секреты службы,
Стоял на вахте сотни раз,
И делал свой труд
Матросской дружбы
Выл мне спастельным поучением.

Унишет порт в стихах «Я флоту очень благодарен...» Любовь к флоту до конца жизни сохранилась в его сердце. «Первый выход», «Ой ты, море», «Утро у моря», «Над задним дождем», «Песня о командирате» — эти заголовки говорят сами за себя.

Заброшенной войной на чужбине, порт грустит о Родине. В эти дни его лирический голос достигает обособленной силой:

...Только ты тобою могу осудит,
У которых не о чем спорить.
На земле обитаны все люди
Неприемные Родины нашей.

Но вот окончилась война. В творчестве поэта появились новые темы: возвращение с войны, встреча с любимой, раздумья о людском счастье, о погибших друзьях, о новых, идущих на смену поколениях.

Как и многие другие молодые

поэты, Иван Ганабин испытал трудности и разочарования в работе при переходе от военной тематики к мирной. Автор не знал хорошо, все было постигнуто многолетним личным опытом. И вадру перед поэтом открылся огромный и сложный мир, который надо было познать, осмыслить и принести участие в его дальнейшем развитии.

Иван Ганабин познал горечь творческих неудач, когда сегодня тебе не правится то, что ты написал вчера, когда тебе не опущаешь, что нужно писать иначе. Но как? Эта пора мучительной неудовлетворенности собой была переходным периодом в творчестве поэта. Ганабин не убавлял себя в том, что все им до сих пор инстинктивно хорошо, он упорно шел своей дорогой, добывая своего и выходя победителем. Нужно сказать, что Ганабин оказался в этом М. Исаковский, с которым Ганабин познакомился в Москве, а также руководимый А. Коваленко поэтический семинар в Литературном институте.

Иван Ганабин — лирик. Стихи его полны доброты и любви к людям. Они не поражают нас звуковой рафмой, неожиданным образом произведений поэта представляются просты по форме. Но эта простота далека от упрощенности. Сколько в его стихах тонкого юмора и легкой грусти, смеха и горечи!

Ганабин любил обаятельный звуковой язык с его поперечками, прибаутками, частушками. Это видно по многим стихам, полным радости и юмора («В том конце, на котором я, Ота песня, дорогая, и тебя касается» и др.). Часть их положена на музыку. Поэт любил и понимал природу. пейзажи, написанные точной рукой, присутствуют в очень многих его стихах.

Вот несколько...
Твердь, поеди, над Испавьшой
Самышо.
Как гудит и стонет лед.

Он однажды ночью
Видел вдали
Далек рево свободу,
И тогда
Звонит
И в дороге тронется
Полюс,
Тымова
Вода...

Многие строки, стихи и целые стихи хочется бы привести и привести, но они не помещаются в небольшой рецензии. Приходится ограничиться перечислением самых лучших стихотворений сборника: «Его утренняя поэзия», «Моя вилкина, мать», «Воз электрик», «Случай в дороге», «Редко мы с тобой бываем в Визинках», «Уходит в армию ребенок», «Нечетная Люба поет», «Живчик», «А все случилось очень просто» и другие. Слова перечитываешь их, и становится горько при мысли, что так рано ушел от нас умный и талантливый наш друг, который мог еще немало сделать в поэзии.

Книга Ивана Ганабина издана с любовью и хорошо оформлена. С. Никитин и А. Фельдман написали предисловие, рассказывающее о преданном поэтом пути. Нужно, чтобы и впредь передавались стихи Ивана Ганабина, и не только на переднем, но и на заднем плане издательствах, чтобы могли они найти путь к сердцу читателей всей нашей страны.

Константин ВАНШЕННИН

«В краю Большой Медведицы»

У нас уже есть немало книг, посвященных о самостоятельной борьбе советского человека за покорение Крайнего Севера. Среди них произведения самых различных жанров — повести, рассказы, очерки, романы, документальные записи ученых, исследователей, путешественников.

Мы с интересом читаем и перечитываем книжки Героя Советского Союза известного полярного летчика М. В. Водопьянова, Тихона Семухина, Бориса Горбатова, Ивана Мельникова, Николая Шундики, «Молодого писателя» — ученика Юрия Рытхэу и других.

В недавно вышедшем сборнике очерков П. Барашева «В краю Большой Медведицы» почти не встретишь таких слов, как «мужество», «подвиг», «котага», «героизм». Но это книжка именно о мужестве, о подвиге, о безграничной самоотверженности простых советских людей. Этим она прежде всего и ценна. Автор ее в качестве специального корреспондента «Комсомольской правды» участвовал в воздушной арктической экспедиции 1954 года, вместе с большим коллективом полярников делал трудности новоселов научного горючка «Северный полюс-3», который был выложен на дрейфующих льдах приполюсных широт в краю Большой Медведицы, как образно именуют эти места очеркист.

С давних времен человек пытался разгадать тайны Арктики. Слово «арктик» древние греки называли созвездие Большой Медведицы, светлый ковчег, который был словно опрокинут в северном направлении от Земли и лежал на самом краю небосвода. Веками люди стремились узнать, что находится под скачущим созвездием, какие неведомые богатства там таятся.

Еще в девятнадцатом столетии, когда никто во всем мире не решался выйти в полярные воды, наши походы на своих дощатках и кочках пускались в плавание по студенным морям, обгнали Скандинавию, добрались до Новой Земли и Тай-мира.

П. Барашев рассказывает о новейших этапах завоевания Арктики. Летписи этой борьбы украшают имена наших соотече-

3 Павел Барашев. В краю Большой Медведицы. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардии».

шмеранг

Рассказ

Эмиль ЯНУС

Сегодня Гельмуту Трабке все не нравилось, все раздражало его. Обычный утренний кофе показался слишком горьким, полы халата, как на зло, пугались в ногах, складки ковра цеплялись за туфли... словом, все было не так, как всегда. Трабке с расстроенным видом, даже не ответив на вопрос жены, пошел в свой кабинет.

«И как это все душно получается... думал он.— Живешь, работаешь, радуешься жизни, так нет же, несчастье вдруг сваливается на голову и вышибает тебя из привычной колее!»

А все началось со вчерашнего дня. В его квартире, в доме Гельмута Трабке, неожиданно раздался выстрел. Потом второй, третий... Послышался звон разбитого стекла.

Трабке выскочил из кабинета в соседнюю комнату и ошепен от изумления. Позади укрытия, сооруженного из двух кресел, лежал на полу Руди, его единственный, горько любимый сын. На голове у мальчика красовалась бумажный шлем, а в руках черил

Раздался выстрел, и от красивой настольной лампы на толстой подставке не осталось ничего, кроме длинного стержня и осколков на полу.

— Не бойся, па! Мои пули тебя не продратьят, они попадают только в крышес...
В конце концов, Руди, или маленький гангстер Боб Смайлс, как он себя называл, виял убеждением родителя и прекратил огонь. Пистолет в качестве трофея перешел в руки отца.

Господин Трабке не имел привычки наказывать сына. Он считал, что мальчик должен развиваться самостоятельно, но отнюдь не хотел, чтобы Руди стал когда-нибудь солдатом. Может показаться странным, что кингофандей Трабке воспитывал своего сына вопреки принципам, которые господствуют сегодня в Западной Германии. Но это так. Лично Трабке не хотел новой войны. Во всяком случае, он так думал. Книжки для чтения своему сыну он всегда тщательно подбирая сам. Для маленького Руди были запрещены всевозможные прошекторские выходящих в издательстве Трабке. Библиотека Руди большей частью состояла из книг, изданных в Восточной Германии, несмотря на то, что там происходили явления, которых Трабке не понимал. Он вообще не хотел ничего знать о жизни Германской Демократической Республики.

— Политика меня не касается, — обычно говорил он и как владел издательство выпускала любую книгу, которая принесет ему доход.

Книжки восточногогерманских издательств Трабке приобретал охотно. Он даже читал вслух своему сыну «Лесную газету» Виталия Яванки, этого советского писателя, так чудесно рассказывающего детям о природе.

Гельмут Трабке сидел в глубоком кресле, погруженный в размышления, и даже не замечал, что пепел сигареты падает на ручку кресла и пачкает рукав халата. В кабинет вошла обеспокоенная жена.

— Гельмут! Нам нужно основательно обыскать комнату Руди. Сегодня утром он рассказывал бабушке, что приготовил запас пуль, чтобы застрелить Ганса Шенке — сына шофера. Этот Ганс дразнит Руди, называя его трушефюрером. Они подрались, и маленькому мальчику крепко досталось. Теперь Руди заявляет, что убьет «красного шофера».

Трабке зстонал:
— Я боюсь, что он действительно может что-нибудь надумать. Вверху он целился в меня, в своего собственного отца!
При обыске» в комнате Руди

был обнаружен дельный арсенал. Здесь были и танки, и броневики, и пушки, — словом, весь набор модных игрушек, которые Хельга покупала для сына. Но сверху этого нашли два пистолета и несколько коробок с патронами, которые были запрятаны в маленьком письменном столе Трабке-младшего.

Когда Руди вернулся из школы, отец позвал его в свой кабинет. Мальчик вскарабкался на стол и выжидающе смотрел на оро-

ца, а Трабке в это время мучительно думал, с чего же ему начать. В голову у него все перемешалось. Вдруг Руди неожиданно пришел отцу на помощь:

— Ты знаешь, папа, мы сегодня здорово задали этому Гансу. Трабке вздрогнул от страха: что еще натворил его сын?

— Мы пришли раньше уроков и все подготовили. А когда начался урок и Ганс сушил перо в чернильнице, раздался взрыв, и чернила брызнули ему прямо в лицо. Ганс был перемзан сверху до низу. Он заревел и вылетел из класса. Ну и хотелы мы!»

— Руди, — сказал Трабке решительно, откуда ты взял пистолеты?

— Но, папа, ты не должен их отбирать. Дай честное слово, что не отнимешь!

— Хорошо, хорошо, Руди, но сначала скажи мне, откуда...

армейский парабеллум. Правый угол комнаты был усеян осколками зеркала, в окне зияли две пробоины, а в клетке лежала вверх лапками мертвая канарейка.

В первый момент Гельмут Трабке пришел в неопределимую ярость, но увидев направленное на него черное дуло пистолета и блестящие, возбужденные глаза сына, немедленно удулился за дверь. До смерти перепуганный Трабке оставил только маленькую шкафу, сквозь которую пошел переговоры с сыном. Проникновенным родительским тоном он уговаривал «красного воюку» сложить оружие.

— Ты, папа, славный парень, но не понимаешь, что такое война. А я знаю! Вот, смотри!

Рисунки Е. Гурова.

— Ты знаешь Отто? Ну, того самого красивого Отто? Он потерял глаз, когда старуха «фэу-эу» взорвала в воздух.

— Ты имеешь в виду сына По-се? Да, я знаю его.

Я вынул у него пистолеты на заводной гайке. Он сказал мне, что нужно научиться метко стрелять. Отто говорит, что Германию скоро потребуются солдаты. Но если мы не научимся стрелять, нас в армию никто не возьмет.

— Но почему ты убил канарейку?

— Ах, папа, как тебе тяжело втолковывать! Ведь канарейка маленькая! Это очень удобная мишень. Конечно, было трудно попасть, но я подошел поближе и все-таки подстрелил ее. Но можно попасть в канарейку даже издалека. Об этом написано в книгах.

— В какой книге ты прочитал это, Руди?! У тебя есть эта книжка?

— Конечно, папа, ведь я всегда ношу с собой. Очень интересная книга. В ней рассказывается о том, как один парень, Боб Смайлс, вернулся из Кореи. Он пошел к своему старому другу. Но того не было дома. Тогда Боб пришел в ярость, напился виски, вынул свой пистолет и начал стрелять. Он разбил две лампы, застрелил канарейку и кошку. Потом побежал на лестницу, застрелил собаку и четырех соседей. Когда приехала полиция и хотела арестовать его, Боб Смайлс прикончил двух полицейских, а остальных удрали. А потом Боб стал офицером. Ведь это здорово, правда, папа?

Гельмут Трабке pokrылся холодным потом. Он уже мысленно видел своего сына в военной форме, с автоматом в руках, грабящего и убивающего, ошащего все вокруг винным.

— Руди, сейчас же покажи мне эту книгу! Что за подлец выпускает такие книги для детей?

Мальчик вытащил толстую маленькую книжку из кармана и протянул ее отцу.

Гельмут Трабке загнула на обложку, на которой красовался бравый парень с пистолетом в руке, торопливо открыл первую страницу, и вдруг голова его бесбесильно упала на спинку кресла.

В самом низу титульного странички стояла надпись: «Издательство Гельмута Трабке».

Перевел с немецкого Н. СТУКОВ.

Повесть

Василий АРДАМАТСКИЙ

Передо мной лежит довольно пухлая папка с надписью: «Дело...». Поперек обложки четко выведено: «В архив». У дела этого есть номер, и состоит оно почти из двухсот аккуратно подшитых листов. Так аккуратно, что становится невозможно сказать, принадлежат ли все сотрудица канцелярия, который методично шила все эти бумаги, и ему тоже было скучно.

Но вот я пробрался первую станцию, и это ощущение мгновенно пропало...

«Телефограмма № 1/ПО. Принята в 4 ч. 17 м. Из Лесного.

Бернувшись из ночного колхозника артели «Радисты» Петрунича Илья Семенович сообщил, что около часа ночи в районе Черного бора кружил самолет, который затем улетел на запад.

Приказ: дежурный Управления госбезопасности...»

«Телефограмма № 2/ПО. Принята в 4 ч. 21 м. Из штаба ВВС округа.

В 1 ч. 54 м. в 70 км от Черного бора нами обнаружены сброс самолета неизвестной принадлежности. Идет выяснение.

Приказ: дежурный по штабу...»

«Телефограмма № 3/ПО. Принята в 17 ч. 42 м. Из управления милиции города.

На восточной окраине города около 101 почтового отделения обнаружен оставленный владельцем мотоцикл ижевской марки № 1207. Машина зарегистрирована в Лесном районе.

Приказ: начальник оперативного отдела РКМ...»

«Телефограмма № 4/ПО. Принята в 17 ч. 42 м. Все эти телефонограммы приняты в один и тот же летний день 195... года.

Переиставляю дело странице за страницей, и передо мной развертывается целая повесть...

1

Самолет летел в бездну ночного неба. Летел он, словно забытый землей. Радиомаяки не подавали ему сигналов. Авиационные диспетчеры, обаянные беспокойство о всех самолетах, об этом даже не думали. Аэродромные радисты перетоварились с радистами всех детских сквоов ночь машина, а с радистом этого тяжелого корабля оно связь не держало.

Другие самолеты летели с зажженными огнями, и людям с земли казалось, что в черном небе плывут разноцветные звезды. А этот летел, погнавшись огней, летел на огромной высоте, и его никто не видел и не слышал.

Разбился он — никто бы не узнал, как звали погибших и какой стране принадлежал самолет. У человека заплела в карманах не нашли бы документов, а на обломках крыльев не оказалось бы опознавательных знаков. На штурманской карте не был бы обнаружен маршрут полета, а нельзя было бы даже установить, откуда и куда летел этот самолет.

Впрочем, у единственного пассажира документы были бы найдены, но люди с недоумением гадали бы, кто же он, этот человек, ибо в их руках оказалось бы сразу несколько документов, все на разные фамилии, но с фотографией одного и того же сорокалетнего, довольно красивого мужчину с удивительно спокойными глазами...

Но с самолетом пока ничего не произошло,

и он благополучно продолжал лететь в бездну ночного неба. Одиноким пассажиром — обладателем нескольких документов — дремал, отключившись на спячку сидевший в тесном отсеке позади пилотской кабины.

Перед лицом пассажира замигал красный глазок сигнальной лампочки: летчик хотел разговаривать с ним. Ленивым движением пассажира выключил лампочку.

— Слушайте! Слушайте! — Голос у летчика низкий, с хрипотой! — Сейчас ноль один час семнадцать минут. Начинаю снижение. Через пять минут можете взять кислородную маску и готовиться к прыжку.

Красный глазок еще раз мигнул и погас. Пассажир взглянул на часы.

В этот же момент на земле посмотрел на часы молодой офицер и торопливо взглянул в окно. Это были уже советские времена. Пост воздушной службы нацупал самолет на экран локатора возникла еде приметная движущаяся точка. Тотчас зазвонили телефоны, и по проводам в разных направлениях полетели стремительные слова приказов.

Самолет снижался быстро. У пассажира загорело в ушах, он перестал слышать гул моторов. Взглянул еще раз на часы, ослеп с лица маску.

Несколько минут пассажир сидел неподвижно. Матовый плафон в стене отсека слабо освещал сосредоточенное лицо, на котором тупая маска оставила красные полосы.

Лицо пассажира было не только красивым и мускулистым, но и умным. Высокий выгнутый лоб, обрамленный густыми каштановыми волосами, как трюфлями на висках седой. Прямой, с маленькой горбинкой нос, волевой подбородок, пристальные серые глаза.

Пассажир сбросил меховую подстилку, в которую был укутан, и оказался в поношенном темном пальто, под которым виднелась вышитая украинская рубашка. Мягкие ботинки были заправлены в простые сапоги.

Теперь яркая лампочка вспыхнула под потолком. Пассажир, не вставая с кресла, раздвинул ноги, нагнувшись и стал отвинчивать замки ложа, выделанного в под отсека. Затем встал, подняв с пола туго набитый рюкзак, тщательно протряс его на спячку и даже попрыгал, проверяя подголку лямок. Рюкзаком вытаскил из-под кресла плоский ранец с парашютом и, переопавшись ремнями, праладил его на груди.

Лампочка под потолком снова замигала. Пассажир рюкзаком открыл люк — в отсек ворвался рев моторов, в лицо удруго ударило тепло. Человек сдвинул за глаза автомобильные очки, опустился на колени и быстрым, ловким движением, головой вперед вырылся в люк...

2

Душной августовской ночью 1941 года на Закарпатском фронте произошла трагическая обстановка, стоявшие жизни многим советским войнам. В штабных документах оно было зафиксировано тогда очень кратко: «Смертельная рота лейтенанта Оксимова почти полностью погибла при выполнении боевого задания». Вот как это произошло... Лейтенант Оксимов получил приказ резко перебросить роту на западный берег реки и замаскировать прибрежную полосу.

Перебрались на лодках. Лейтенант Оксимов стоял на носу первой плоскодонки. В воде дробились и таяли звезды. На западе черное небо было словно приподнято — там над горизонтом шевелились багровое зарево. Где-то совсем неподалеку торопливо было одинокое судно, слышалась беспорядочная винтовочная стрельба. Из всей роты только один Оксимов знал, что там, правее леса, остатки нашего полка из последних сил сдерживали атаку гитлеровцев, равнявших к реке. «На рассвете

они динули танки, — сказал Оксимова командир дивизии, — и если вы не успеете замаскировать прибрежную полосу, противник выйдет на нас в тыл...»

На небольшой высоте пролетел вражеский самолет, развесил гирлянду световых авиамом. В их мертвом свете река казалась молочной. Оксимов посмотрел на сосредоточенные лица своих солдат и последние отворулся. Артиллерия противника начала обстреливать реку. Неожиданно в ночное небо самолет корректировал огонь. Вскоре снаряды накрыли замыкающую лодку. Оксимов успел только заметить, как ниже по течению мелькнула чья-то голова и тотчас исчезла.

Но вот под дурином закричал песок, снаряды, толкая друг друга и тихо перерутившись, стали сосканивать на огнем. К Оксимова поплыли командиры отделений.

— Мины останемся здесь, — тихо приказал он. — Здесь же остается отделение Пушнова. Остальным прованиться в лес на глубину ста метров и занять рассредоточенную оборону. Отрывать индивидуальные окопы. За лесную группу отвечает сержант Гурко. Никаких действий по моему приказанию. Я еду на связь с полком. Ясно?

— Ясно, — ответили командиры отделений.

— Выполняйте приказ! — отрывисто произнес Оксимов.

Командиры отделений повели своих людей

вглубь леса. Возле Окаимова остался только серая тушка.

— А я слышал... — нерешительно начал он, — будто надо мирновать берег... вой там.

— Сержант Гурко! — повисел голос Окаимова. Выполнили приказ!

Сержант исшел там же.

Окаимов поднялся на береговой откос и быстро пошел вдоль реки. Отойдя от переправы шагов пятисот, он резко свернул влево и, не оглядываясь, побескал к лесу. Остановился Окаимов только после того, как впереди оказалась густая тень деревьев. Постояв, прислушавшись, затем, осторожно ступая, двинулся дальше.

Никто не знал, что Окаимов был давним и окончательным врагом всего советского. В первого дня войны ждал удобного момента, чтобы перебежать к гитлеровцам. В эту ночь он и спал в плен...

Там Окаимов потерял имя, стал просто человеком № 57 689. Он ожидал, что примут с почетом, немедленно доставят в штаб, будут расшифровывать. Но ничего этого не произошло... В те дни, надеясь на скорую победу, гитлеровцы даже не думали о том, что им может понадобиться какой-то младший офицер-переводчик, хотя бы и знающий немецкий язык и готовый им помочь.

Заспывая на ходу, Окаимов брел в колонне пленных по пыльным дорогам Белоруссии. «Плохо бы не ухватиться... — твердил он про себя: упавших пристреливали. Потом долгие ехали в эшелоне. Когда из вагона выбрасывали очередной ящик, Окаимов говорил себе: «Я живу». В лагере он думал только об одном: как сохранить жизнь. Пленные выполняли бесмысленную работу — целыми днями перетаскивали с места на место камни. Первое время Окаимов переносил камни почти бегом. Охранник, глядя на него, хохотал. Пленные считали его сумасшедшим. Вскоре Окаимов понял свою ошибку и стараться перестал.

Наступила осень. По ночам невозможно было уходить от холода в нарядного казало всего барака. Соседом по нарам Окаимова был полковник солдат, которого все звали Степан. Они укрывались одной шинелью и спали, прижавшись друг к другу. Если Окаимов долго не мог уснуть от холода, Степанчик шептал ему:

— Ты о Родине думай, сразу душа успокоится...

Окаимов думал о другом: скорей бы Германия выиграла войну. Однако в лагерь попадались тревожные для него сведения. «Молниеносцы» наступают на восток. Советский аванс захлебывается. Пленных призывало все меньше и меньше. Да и по лицам охранников было заметно, что дела на фронте у гитлеровцев идут неважно.

Однажды вечером в начале ноября Степанчик шепнул Окаимову:

— Мы решили отметить Октябрьский праздник. В ночь на сельское бежать собираемся. Подбежишь с нами?

Окаимов колебался, будто мгновенно уснул, и не ответил. А утром, проходя мимо охранника, тихо сказал по-немецки:

— Есть важное сообщение для начальника лагеря. Мой номер 57 689.

Начальник лагеря позвал в барак являлся начальник лагеря. Гестаповец знал, что делал: для «максировки» вместе с Окаимовым в коммандатуру погнали еще пять человек...

Степанчика повесили на другой день во время утренней поверки. Окаимов стоял в строю пленных и спокойно наблюдал процедуру казни.

Не прошло и месяца, как он снова отличился, доложив начальству о том, что в лагерь прибыла в форме вислового советский полковник... После этого Окаимова перевели рабочим на кухню. А зимой начался его болярная карьера. Он стал провокатором-гастрономом, которого «подсаживали» в лагерь, где возникала и развивалась контрабандная торговля. В последние месяцы войны Окаимов находился в лагере, расположенном в Западной Германии. Приближение американцев не испугало предателя. Окаимов был почти уверен, что они его не тронут. И не ошибся...

происходил в помещении школы. На обшуренном учительском столе стоял сифон с солтерской водой. Окаимов следил, как со дня сосуда поднимались искрящиеся на солнце пузырьки. За окном гадали американские солдаты. Поздней Окаимов за партой, как школьник, молча следил за ними в читальном. Почему-то Окаимов чувствовал, что главная опасность находится у него за спиной. Да и полковник то и дело поглядывал на бытского.

— Значит, вы предаетесь не гитлеру?

— Не было и не будет... Этого вопроса и спокойный ответ Окаимова прозвучали в третий раз. Полковник взглянул на штатского и вдруг резко свистнул. В дверях появился солдат.

— Солдат скрылся, и в класс вошел гестаповец одного из лагерей. Фохт, бывший начальник гдае подвизался Окаимов.

В руках он держал широкую плоскопанель. Фохт подошел к столу и посмотрел на стобришного от ужаса Окаимова. — Не бойся, — сирисил полковник.

— Он, — ответил Фохт. — Благодарю. Идите. Фохт вышел.

— Не бойся, — наשמелово произнес полковник.

— Окаимов заговорил быстро, обильно, пересылая английскую речь русскими и немецкими словами. Он рассказывал о себе. Полковник с безразличным лицом слушал его минуты три, потом попросил руки.

— Довольно! Все это описано здесь. — Он постуцал пальцем по лежащей перед ним синей записке. — Это ваше «личное дело»... из гестапо... — Полковник встал и вышел из комнаты. Это был место утонченного интеллигентного лет сорока пяти. Тоненькие ушки под горбатым носом и смуглый цвет лица делали его похожим на жителя Южной Америки.

— Передавать вас русским мы не собираемся. Это во-первых, — сказал он приятным голосом. — Во-вторых, хотите работать у нас?

— Безусловно, — поспешно ответил Окаимов, прекрасно понимая, о какой работе идет речь.

— Ну, вот и великолепно. Вы не голдонны? — Я ничего не ел со вчерашнего дня, — почти сердито ответил Окаимов и протянул руку к сифону. — Разрешите мне выпить?

— Подождите. Мы сейчас поедем ко мне обедать.

— Мелкий собачник, куда они приехали, стоял на окраине города. Рослая служанка провела их в гостиную и остановилась в дверях, ожидая распоряжений.

Обед на двоих. Французского вина. Сиповое.

Служанка удалялась. Штатский пригласил Окаимова сесть.

— Давайте знакомиться. Меня зовут Барч. — Окаимов.

Они пожали друг другу руки и расцеловались. Вот что делают в войну, мистер Окаимов, продолжая смеяться, сказал Барч. — Она не только повергает в прах государство, но и хитро перетаскивает людей. И не только хитро, но и умно. Вы не находите?

— Я бы сказал иначе, — Окаимов, прищурив, смотрел на Барча. — Она порождает умные случайности.

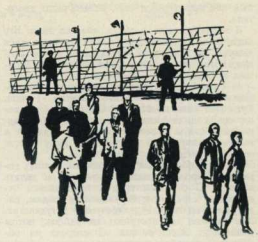
— Случайности? — Барч задумался.

— Умные случайности, — повторил Окаимов. Барч улыбнулся рукой.

— И еще в коллежде ненавидел философию. По-моему, вся она состоит из преумудростей, которые так же легко доказать, как и опровергнуть.

— Одно могу сказать, — Окаимов улыбаясь, — своим взглядом на философию в России вы бы не имели успеха...

— О, да! — Барч захохотал.

Пока служанка накрывала на стол, они молчали. Потом Барч наполнил бокалы вином и сказал:

— Давайте выпьем за наше знакомство.

Они выпили и закурили сигареты. Барч сказал:

— А теперь повладите мне свою жизнь. В нашем «личном деле» гестаповцы с присутним им делантисмом проинформировали даты и события вашей биографии, я меня интересуют живые детали, психология. В общем, все, что люди называют судьбой. Времени у нас достаточно. Итак, прощу вас...

Впервые в жизни Окаимов рассказывал о себе правду. Это было нелегким делом для человека, привыкшего постоянно лгать.

Детство Окаимова прошло в большом бояномном доме, стоявшем на Соборной площади богатого сибирского города. Улыбчивый Григорий любил из громадного окна гостиной смотреть, как метель безжалостно клестала прокожких.

А в гостиной было тепло и тихо... Вот избушка жеребен с завитой гривой вылизывал на солнце расписной вазон, в котором, неизвестно выпарывая, сидят отец. Его полковника папала бело замолена назад, руки в белых перчатках лежат на эфесе серебряной шашки. Вазон остываивается у крыльца, кушер откидывает меленькую полость...

Особенно отчетливо помнил Григорий последнее рождение своего «золотого детства». По предке гостиной, маковой уперлись в потолок, возвышалась густая, пахучая елка. Когда вечером на ее ветвях заглялись бесчисленные свечи, отец взял мальчика за руку.

— Давай посмотрим, сынок, — сказал он, — что принес тебе дед Мороз... — Отец приподнял нижние ветки, и там в тени стоял, поблескивая иголками, трехколесный велосипед. Сын проснулся за него отцу, и в то же мгновение на улице прозвучал дин гудков выстрел. По слышался звук разбитого стекла. Это было в семнадцатом году...

Много лет спустя, уже юношей, Окаимов узнал, что отец его был расстрелян большевиками вместе с дядердом Кочаловом, и поклялся отомстить. Белогвардейско-контрреволюционер, отец казался ему героем-мучеником.

В то время он жил с матерью у дяди на Орловские. Вскоре мать умерла. «Довели, погубили» — думал с ненавистью молодой Окаимов. Дядя, у которого не было своих детей, усыновил Григория и дал ему свою фамилию. Дядя принадлежал к социальным и мельницам с нефтяным двигателем. «Перкуш», оглашавший округу дикими стрелами Частыно, по началу глядя на Григория, старик повторял: «Все будет твою, из рук в руки передам...»

В двадцать девятом году дядю раскулачили.

«Умлю, словно нехота, тынулся дождливый сентябрьский день. Григорий гинял в горнице замусоленной мебели, ждал, ждал...»

Вдруг он ощутил какую-то непонятную тревогу, отложив журнал и осмотрелся. Нет, все стояло на своих местах. И между тем чего-то явно хватало — Окаимов обонял несомненно, вернулся в горницу и стал смотреть в окно. Тревога не проходила. И вдруг он понял причину своего странного беспокойства: в неуроч-

ний час прекратился стук мельничного двигателя.

В горшну, тяжело дыша, вбежал дядя. Его лицо было белым-белым, точно он вывалился в муку. Не говоря ни слова, дядя отпер стук, вынул оттуда маленький сверток и пошел к Григорию.

— Гибель наша пришла,—хрипло проговорил он.— Вот тебе золотые десятки, Гриша. Тут сотен пяти, не меньше. Одевайся, бери кофю, сходи на станцию, садись в первый попавшийся поезд и уезжай куда глаза глядят. А я встречу разорителей карточью и умру вместе со своим добром...

Окамов обосновался в одном из южных городов Хатро, с огадой принялся он деять карьеру. С большим трудом преолеовав отвращение к работе и окружающим людям, разыгрывал он на заводе «безумного энтузиаста». Это помогло ему поступить на рабфак, потом в институт. Здесь он так же «отра» на общественной работе, участвовал в самостоятельности и активно выступал на собраниях, оставаясь втайне врагом всего того, что превозносил в речах.

Годами копилась в душе Окамова ненависть к людям, которые отняли у него ту, драгоценную жизнь...

Барча с интересом слушала рассказ Окамова. Подобные типы могут очень пригодиться в Америке. Барча считал, что ему здорово повезло: приказ подыскивать людей, знающих Россию, пришел недавно, а он уже нашел такой идеальный экземпляр...

...Полтора года Окамов учился в секретной разведывательной школе Барча, постигая премия шпионажа и диверсия. Вскоре он стал одним из первых учеников. Когда преподаватели хвалили Окамова, Барча говорил с гордостью: «Это и есть высшая». Когда Окамов окончил школу и получил первое задание, Барча сказал ему:

— Запомните, Америка — благословенная страна для людей умных, деятельных и целеустремленных. Но она безжалостна к слабым. У наших предков, которые первыми оседали американский континент, была даже такая песня: «Слабый умрет, чтобы не мешать сильным». Этот закон действует и сейчас. Вот и вас, Окамов, Америка полюбит и привласает только сильного. Запомните еще, что в нашей работе, как и во всех областях американской жизни, действует жестокий закон конкуренции. Помните это и будьте всегда начеку.

Слушая наставления шефа, Окамов думал: «Все это я уже давно усвоил, мистер Барч, поэтому и вам я никогда не буду доверять до конца...»

(Продолжение следует).

Рисунок Н. Гришнина.

ЛИ БОН ХАК

Молодой корейский поэт Ли Бон Хак родился и вырос в деревне. Окончив пять классов, он вынужден был оставить учебу: нужно было зарабатывать на жизнь.

После освобождения Кореи от японских захватчиков Ли Бон Хак поступил на подготовительные курсы при университетские имени Ким Ир Сена. Когда в 1950 году началась война и весь народ пошел на защиту Корейской Народно-Демократической Республики, он пошел в армию.

С 1951 года Ли Бон Хак учится в Московском экономико-статистическом институте. Первые стихи поэта были опубликованы в корейской печати в 1948 году.

МУГУНХВА

Обнаиваясь, как маслом, пѳтом,
Я работаю
У станка.
Сквозь стекло вижу двор завода
И волнистые облака.

За окном весна и природа
Продвигаются свои парад.
Визгу и на дворе завода
Бомбой скошенный мугунхва!

Прорастает
Цветок упорный;
Он пускает
Новые корни.
Несмотря на свои ранения,
Поднимается к солнцу растение!

1 Мугунхва — цветок, который считается корейской национальной эмблемой.

Мугунхва!
В тебе сила жизни!
Ты стоишь на разбитом пути
И, подобно своей отчизне,
Вновь старешься расцвести!

Жив народ наш, в огне закаленный,
И родная земля жива.
Подмайся листовой зеленой,
Расцветай и цветы, мугунхва!

Помини осень и непогоду?
Ты без листьев лежал у окна...
Но приходил весна в жару,
И к тебе пришла весна!
Мое сердце радостно бьется,
Я тружусь, засучив рукава;
Серебристая стружка вытекает.
Озаряет весеннее солнце
Жизнь,
Прекрасную,
Как мугунхва!

ЛОПАТА

У дверей лопаты этой нету,
Потому что дядя мой с рассвета
На работу взял ее с собой. *
Поздно вечером придет домой.

Солнце пробуждает
От сна.
Людям улыбается
Весна.

С дядей в главе идет отряд,
И блещет
Сто пятьдесят
Лопат.

За горой, у школы, поворот,
Раздается голос у ворот:
«Дяденька, идуший вереди,
На работу лучше не ходи,
У тебя истерта лопата,
С ней трудиться будет трудно!»

Но идет торжественно отряд,
Шедегит над ним знамена гордо.
Славные знамена говорят,
Почему лопата так истерта.

Зачинала жизнь родной Кореи,
Под губительным огнем врага
Дядя рыл лопатой траншеи,
И ему лопата дорога!

Ничье — земаек, канавы роет.
Пусть лопата стерта, не беда!..
Дядя мой на фронте был героем,
А сегодня он герой труда!

Где работает его лопата,
Там встают заводы и дворцы.
Трудится с рассвета до заката
Дядина бригада!
Все — бойцы!

Перевел с корейского
Николай ГЛАЗКОВ.

Карло КАЮХ

Карло Каюх — псевдоним талантливого словенского поэта Драго Дестовника. Родился К. Каюх в 1922 году в Словении (Югославия). Будучи студентом Люблянского университета, он вступил добровольцем в партизанский отряд.

Расцвет поэтического таланта Каюха относится к периоду народно-освободительной борьбы в Югославии. Образ борца за освобождение своей родины — главный образ всей лирики поэта-песенника. Каюх посетил Советскому Союзу несколько стихотворений, в которых выразил дружеские чувства своему народу и советским людям.

К. Каюх поэт в 1944 году как героический участник борьбы с гитлеровцами. Сборник избранных стихотворений Каюха вышел в 1945 году. При жизни его произведения печатались в партизанских сборниках.

Лирические стихотворения «Только один цветок», переложенное на музыку, было любимой песней югославских патриотов.

ТОЛЬКО ОДИН ЦВЕТОК

Только один цветок, черешни цвет,
Ароматный и белый, сорви, дорогая!
В окошках грусть его не держи,
В петельке его не носи. —
Один цветок сорви, дорогая!
Только один цветок, черешни цвет,
Ароматный и белый, пошли, дорогая,
Тому, кто цветущей весной
Занят суровой борьбой,
В разлуке с любимой страдает.

Только один цветок, черешни цвет,
Ароматный и белый, даря, дорогая!

Этот маленький цвет
Стрет маладушны сад...
Отвагой глаза засверкает.

Только один цветок, черешни цвет,
Ароматный и белый, сорви, дорогая!
Идуший от сердца привет
Рождает в темнице рассвет,
Бороться и жить поможет.

Перевел со словенского
Александр БАЛАКИН.

ПЕРВЫЕ ЗРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБЫ НА РУСИ

Зрительная труба на Руси появилась вскоре после того как во швейцарской Галилее. Большой интерес к этой удивительной новинке проявил великий Петр, Михаил Федорович. В 1614 году воеводский «государь» Иван Сымалов продал царю неизвестно откуда привезенную им в Москву «трубочку, что дальнее, а в нее смотря, видятся блиско».

В середине XVII века зрительные трубы широко уже было приобретены в Москве, а к концу века продажа их велась не только в столице, но и в приморских городах Архангельске и Копенгагене.

Зрительные трубы, судя по некоторым записям, стоили постолю два и три рубля. Но даже эта по тем временам немалая цена не могла задержать их распространения. На Руси зрительные трубы обилие не только маршалам, но также и астрономам, географам, землемерам.

Вскоре русские ученые и мастера стали сами конструировать зрительные трубы. Выдающимся конструктором и историком техники и зеркалаемых труб был разносторонний ученый Я. В. Боронов. В 1761 году М. В. Ломоносов построил мощный зрительный телескоп совершенно оригинальной конструкции. В наши дни больше известность получил меньшой телескоп Д. Д. Масловского. В нем удачно сочетаются ценные свойства обоих видов телескопов, как линзовых, так и зеркальных.

А. БОРИСОВ

КАК ПЛАВАЕТ РЫБА

Тысячи километров проходит угорь на Неве в Атлантический океан, где он мечет икру; огромной скоростью до 90 километров в час, достигает рыба-меч, идущая в Черное море. А ведь рыба приходится преодолевать огромное сопротивление воды. Как же движется рыбак? Что помогает ей пройти огромные расстояния и развивать большую скорость?

Многие считают, что рыба плавает только с помощью плавников и хвоста. Однако это не так. Прикрепятся к плавникам: они слабы и малы для быстрых и длительных передвижений.

Вот за стволки инварирума следят водоросли сползая плавают красивые рыбы, медленно двигаясь плавают. Но стоит поступить по столу, и они, как будто извернулись всем телом, бросаются в стороны.

Известный исследователь физики моря академик В. Шулейкин в своих работах показал, что секрет плавания рыбы заключается в возможном движении ее тела, которое она изгибает, ритмически сжимая и расслабляя мышцы, расположенные по обе стороны спинного хребта. Плавники же служат только для медленных передвижений на короткие расстояния и для сохранения равновесия.

Она является, на мой взгляд, присущей совершенно определенной «шагу», то есть то расстояние, на которое она продвигается за один период сокращения мышц. Для большинства рыб этот «шаг» равен примерно половине корпуса, и, следовательно, у длинной суданы «шаг» больше, чем у короткого леща.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Фото А. Удальца.

НА МАЛЕНЬКОЙ УЛИЦЕ

Нет страшнее минуты для шофера, чем та, когда на шоссе из открытого ворот вдруг выкатывается детский мячик. На полном ходу машина резко тормозит, ибо водитель знает, что за мячиком тотчас выскочит его юный владелец.

Движение в больших городах подчинено правилам, которые надо строго соблюдать. Но попробуйте проползти это десятилитровое паренку, который сложил голову перебегае широкую улицу! Как с этим бороться? Устраивать собрания в школе? Они бывают. Проводить беседы во дворе? Их слушают со вниманием несколько минут. А через полчаса мальчики, выйдя на улицу, снова затевают игры на мостовой, цепляются за борты проходящих машин, прыгают на ходу прыгунья в трамвай.

И вот работники детского городка имени Пермилова парка культуры и отдыха Жуковского района в Москве сумели заинтересовать детей правилами уличного движения.

Однажды десятилетний паренек пришел в парк покататься на велосипеде. Наallee он увидел авто-

В парк приехала настоящая автомашина ОРУДА. Ребята охрулились лейтенанта милиции А. П. Удальца.

Регулировщик Леия Родионов на посту.

дится Юра, подбегая к «пострадавшей»: — Девочка, ты ушиблась? Он тебя толкнул? Проведите со мной, товарищи! Вот все «пострадавшие», «нарушители», «свидетели» собрались у светофора. Настоящий старшина милиции Михаил Никитич Сикачев выясняет обстоятельства происшествия. Тут же завязывается беседа. Она может продолжаться полчаса, час. Все будет с интересом участвовать в обсуждении уже как зинтохи, как специалисты уличного движения. А те, у кого не было ни одного нарушения, получают, наконец, возможность надеть милийскую фуражку, сесть в машину, катать в рули микрофонов, чтобы предупреждать нарушителей.

А. ОДИНЦОВ

— Разрешите, я вас переvedу на ту сторону! — говорит Леия Родионов совсем оным пешеходам. Их еще нельзя пускать через улицу одних.

— Девочка, ты нарушила правила уличного движения!

томобиль «Победу» с красной полосой на кузове и большими вращающимися рурами. Мальчик удивился: почему этот милийский автомобиль стоит в парке? Особенно странным показалось ему то, что в кабине сидел его сверстник — в милийской фуражке, в белых перчатках — и держал в руках микрофон.

— Мальчик, подойди к машине! — адрут громко пробрасали руры, повернувшись в сторону юного посетителя.

Паренек подошел. Ему вручили красочное оформленную книжку, по которой нужно изучать правила уличного движения. А главное, он узнал, что любой из ребят может получить право разъезжать на этой самой машине по парку.

Мальчик с любопытством осматривается и адрут замечает, что в парке целая улица: светофоры, перекрестки, транспорт, пешеходы. Юные регулировщики управляют движением. Здесь же можно получить велосипед или самокат. Но сразу вам адрут машина. Сначала придется поборот пешеходов, изучать правила уличного движения. Зато потом будет легче стать водителем.

Вот регулировщик Леия Родионов стоит на посту.

— Зеленый свет — движение! Красный свет — стоп! «Транспорт» послушно останавливается. Леия переводит через дорогу двух юных пешеходов. Их еще нельзя пускать одних, они только что пришли в парк и не знают правил.

— Т-р-р-р! — разинчатого свистит Юра Смирнов, «инспектор ОРУДА»: один водитель пересек линию «Стоп!».

«Инспектор» подходит к нарушителю и берет под козырек. — Девочка! Ты нарушила правила уличного движения. Разве ты не знаешь, как должен двигаться транспорт на желтый сигнал? На первый раз поезжай на стовую и подумай, а в следующий раз удаляйся с площадки.

— Юра, я больше никогда не буду! — клянется нарушительница. — Никогда, честное слово!

— Ну, ладно. Поежай! — Что за неудачный день: то нарушения, то «аварии!» — сер-

— А мы, простите, не мишки. Мы собачки.

О КУКЛАХ, МИШКАХ И СОБАЧКАХ...

Сегодня у Дитла прием. Посетители необычны. Это игрушки: куклы, звери, — Здравствуйте, мишки! — сказал Дител, обращаясь к двум плоским существам.

— А мы, простите, не мишки. Мы собачки.

— Собачки! — усомнился Дител. — Что-то не похоже! Таких собак я у Брема не встречал... — Ах, не вспоминайте про Брема, — грустно промолвила авиашающаяся в разговор кукла. — Если бы Брем увидел зверей, которых делают на игрушечных фабриках, ему стало бы дурно. Да что там зверей. Посмотрите на меня... Я даже не имею возможности видеть вас и слышать. Заинтересовавшись причиной нулевой слепоты, Дител выяснил: еще в сентябре прошлого года министр местной промышленности поручил Главарфаору (приказ № 214) выпустить 25 тысяч пар глаз для куклы. Главарфаор передал это поручение на Дулевскую фабрику, а та — еще куда-то... Много начальников поставило свои визы на этом приказе, а он так и остался невыполненным.

— Словом, — заметил Дител, — семи никак нет без глазки. Все это с интересом слушали стоявшие рядом еще пятеро кукло. Они были настолько одина-

— О жалкий ирребей мой!

ковые, что мальчик, вошедший в приемную, удивленно воскликнул:

— Да вы же близнецы!

Что могли ответить куклы? Сказал, что нулевой ассортимент крайне беден, что художники проявляют мало изобретательности, что модели куклы делаются по шаблону.

— А ты что новеска! — спросил Дител, обращаясь к кукле Маши, которая не была похожа на других и выглядела лучше всех.

— О малюхой ирребей мой! — расплакалась Маша и объяснила, что в семью куклы ее не приняли.

Художественно-технический совет по игрушкам при Министерстве просвещения РСФСР не разрешил фабрике «Пальце-маше» выпустить Машу из-за плоскостопия. Машу не утвердил А. нада, но самый худсовет утверждает и провозвестку куклы, у которых руки — тумбы, ноги — тумбы. Неизвестно, из каких принципов он исходит в своей работе? Впрочем, иногда члены совета были очень принципиальны. На одном из заседаний между ними завелся спор о том, какой длины должна быть борода у дяди Мороза. «Научная» дискуссия длилась очень долго. Однако вопрос о бороде так и не решился.

Едва еще в том, что художественно-технический совет только запрещает или разрешает игрушку, не проявила и ней творческого интереса. Какую же это совет? Канцелярия!

Существует в Загорске специальный институт игрушек. Институт обслуживает только кустарные артели. Когда же фабрика захочет получить новую хорошую модель игрушки или куклы, то начинается канцелярия фабрика: пишется ходатайство в трест, трест — в министерство, министерство — в республиканское просвещение — в институт, и лишь после этого, может быть, дадут фабрике образец игрушки.

На приеме у Дитла речь зашла дано о ценах. Оказывается, некоторые игрушки стоят совсем рубль, а хорошая кукла — двести.

И решил Дител: надо слезать на фабрику, где делают игрушки.

Это ваше предприятие выпускает игрушки, которые — увы! — приносит детям мало радости? — задал Дител вопрос директору фабрики «Пальце-маше» тов. С. М. Хайкову.

— Наше, — горестно ответил он. — А что? Мы ведь не виноваты. Посмотрите, какие у нас оборудование!

Ну и машины!.. Понятно стало Дитлу, почему в магазинах мало кукло. Ведь с каждой из них возится шесть — семь дней. Почти все делается вручную, потому куклы и дорогие.

Пли вот еще вопрос. Куклу чем лучше одеть, тем она будет лучше. Но материю на фабрику присылают только тюнью. Тончайшими фабрикам почему-то дано указание отбирать доску не по расцветке, а по сорту. Получается, что сорт хороший, а платье для куклы никуда не годится.

На фабрике мягкой игрушки № 1 Дитла встретил главный инженер Ф. Ю. Рачин.

— И у вас такая материя! — спросил Дител.

И у нас — ответил главный инженер. — Только наша пополение еще труднее. Мы за одну и ту же цену получаем для изготовления собачек плеток разного качества, потому одни псы у нас с шерстью, а другие — лысые, обезьяне... Хорош плеток динноворовай, но собачки, сделанные из такого материала, косятся!..

— То есть как? Почему?

— Дорог сто пятацет рублев метр. Да и вообще мы получаем для кукло, как назло, самую дорогую материя — шеним, пайбават.

Вопрос для Дитла ясен: игрушки уделют мало внимания. Но все же Дител решил поехать еще одно учреждение — Академию педагогических наук.

Встретил Дитла дана в черном платье и в пенсне.

Я педагог-воспитатель, — представилась она и заметила не без иронии: — Эх, товарищ Дител, зачем это вы сюда беспокоишь только! У нас в Академии педагогических наук все вопросы об игрушках уже решены. Во-первых, мы еще в прошлом году установили, что игрушка — друг детей, орудие воспитания ребенка; во-вторых, определена в процентах воспитательность игрового момента; в-третьих, мы установили все недостатки. И вообще, это лучше нас борется за хорошую игрушку? Кто систематически собирает совещания по игрушке? Кто из года в год накапливает опыт и стенограммы?..

— А что вы сделали для детей? — прервала ее Дител.

— Ну, знаете, это итак инстинктивный вопрос...

Они были настолько одинаковые, что мальчик, вошедший в приемную, удивленно воскликнул:

— Да вы же близнецы!

Каждый год население нашей страны увеличивается на три миллиона девочек и мальчишко.

— Посмотрите на меня... Я даже не имею возможности видеть вас и слышать.

Им куклы игрушки, много игрушки не пора ли включить игрушку в народнохозяйственный план и выключить из апрочных изделий?

Цена номера
2 руб.

